Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 120 (7086) | 1 мая 1937 г., суббота | ЦЕНА 10 КОП.

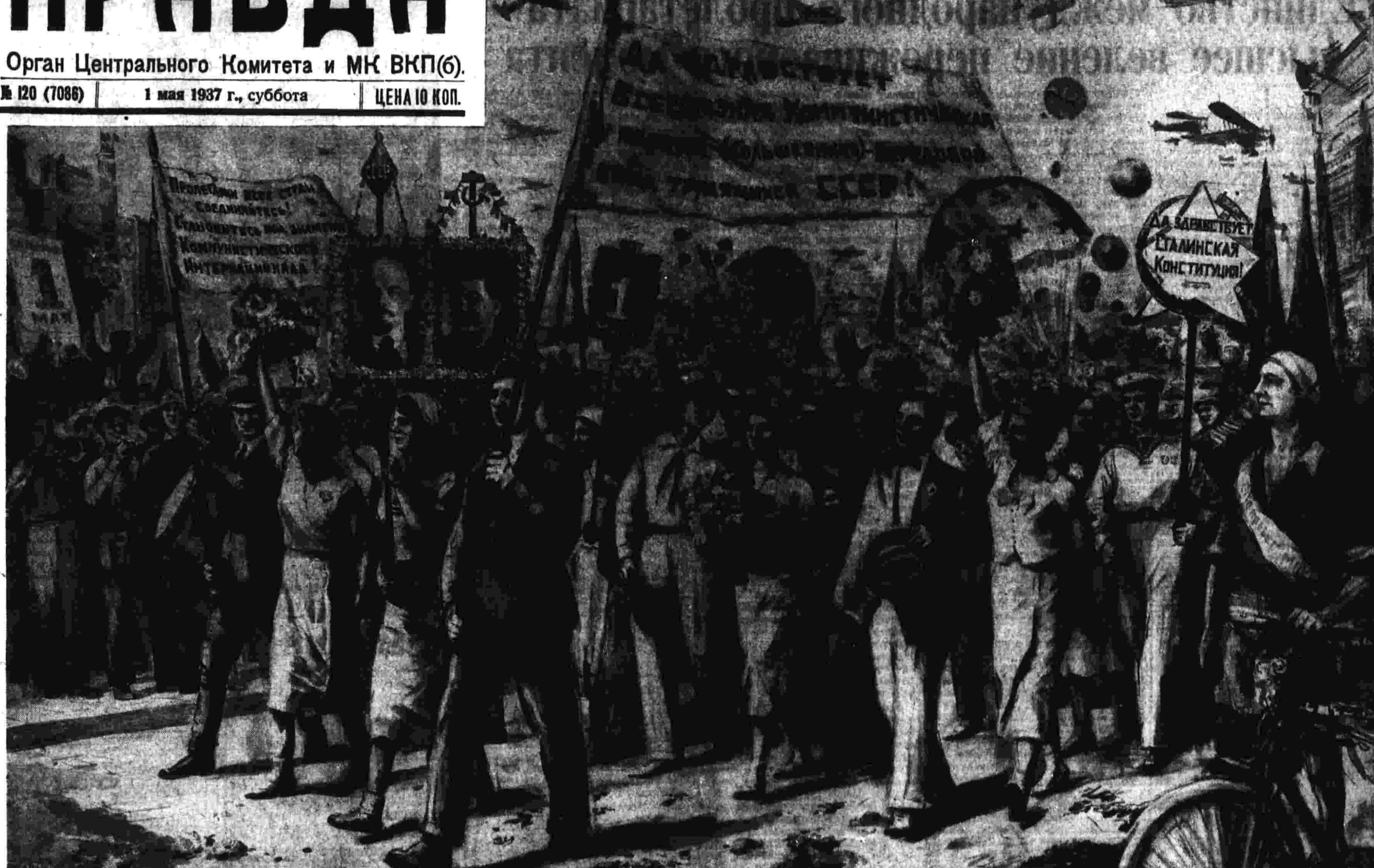

Рисунок художника Ф. Модорова.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ!

Охваченные пламенным чувством братской солидарности, трудящиеся всех стран производят сегодня смотр своих сил. Пролетарии, закрепощенные капиталом, посылают друг другу слова бодрости и обмениваются товарищескими приветствиями со свободными рабочими Советского Союза— ударной бригадой международного пролетариата. В радостном творческом труде народов советской страны, в их социалистическом строительстве трудящиеся всех капиталистических стран видят свое верное и близкое будущее.

Боевой гимн революционного пролетариата звучит сегодня над всей землей. Первомайский праздник пролетариата проникает сквозь каменные стены и железные решетки тюрем. Его встретят сегодня и в той большой тюрьме, которая именуется «Третьей империей», и в фашистской Италии. Нет такого честного, сознательного рабочего в мире, который не послал бы сегодня слова привета пленникам капитала. Имя Тельмана, несгибаемого вождя германских трудящихся, лучшего сына немецкого народа, сегодня с любовью произносят миллионы.

Ужасающая нужда царит среди трудящихся капиталистических стран. Рабочий получает там нищенскую заработную плату. Массовая безработица — постоянное явление. Крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы стонут под ярмом капитала. Сегодня капиталистический мир встает перед трудящимися в особенно отчетливых формах. Этот мир ужасен и отвратителен. Он полон грязи и кровавых преступлений. Миллионы честных людей голодают без работы, миллионы других честных людей голодают на каторжной работе для того, чтобы ничтожное и бесчестное меньшинство богатело и жило в праздной роскоши. Капиталистический мир усиливает и без того невыносимую эксплоатацию рабочих. Рабочие массы больше не хотят терпеть, больше не хотят отступать. Там, где они поднимаются организованно и сплоченно против режима голода и нищеты, за хлеб, за свободу своих организаций,— там они успешно приостанавливают наступление капитала.

Буржуазия пытается продлить существование осужденных на смерть фашистских правительств разжиганием новой мировой бойни. Японская фашистская военщина уже хозяйничает на захваченных у Китая территориях. Итальянский фашизм душит Абиссинию, которая продолжает войну в форме упорных восстаний против иноземных захватчиков. И, наконец, германские и итальянские интервенты истребляют в самой Европе испанские мирные города, убивают женщин и детей, чтобы, пользуясь политическим банкротством других буржуазных правительств, обеспечить свое господство над Европой и всем миром.

Но всюду, где преступный фашизм разжигает мировую войну, он встречается с героическим сопротивлением рабочего класса. Смехотворно хвастовство фашистских кровавых шутов, утверждающих, будто они сломили «марксизм» в своих странах и сломят большевизм во всем мире. Учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина овладело умами десятков миллионов людей, оно превратилось в великую материальную силу и непобедимо.

Всюду революционные рабочие выступают как передовые борцы за свободу и независимость народов, за демократические их права. В первых рядах борьбы против фашизма, за мир и свободу идут коммунисты. В Испании соединенные силы европейского фашизма разбиваются о стойкое, героическое сопротивление трудящихся и всего испанского народа. «Испанский народ победоносно отражает атаки фашизма. Он борется не только за свою свободу, он сражается против германских и итальянских интервентов за свободу всех народов. Легендарный Мадрид стал фронтом всего передового прогрессивного человечества против зверского фашизма. Высоко поднято во всех странах среди трудящихся знамя помощи борющемуся испанскому народу. Но окончательная победа над фашизмом в Испании должна быть еще завоевана. Новые миллионы людей во всех странах должны еще теснее сплотить свои ряды вокруг рабочего класса Испании, вокруг ее народа и ее республики, чтобы ускорить эту победу». (Из первомайского обращения Исполкома Коминтерна).

Все честные рабочие мира, коммунисты, социалисты, беспартийные—всем сердцем с испанским народом. Трудящиеся всех стран глубоко возмущены германской и итальянской интервенцией в Испании. Они против комедии невмешательства. Они настойчиво стремятся об'единить все свои силы, чтобы нанести сокрушительный удар фашизму, помочь республиканской Испании. Единству действий всех рабочих организаций мира для защиты испанского народа мешают II и Амстердамский интернационалы, которые в интересах буржуазии жертвуют жизнью испанских борцов за свободу. Фашизм был бы разгромлен и опасность мировой бойни отсрочена и устранена, если бы удалось добиться единого выступления *всего международного пролетариата*, всех его организаций против общего врага — фашизма.

Каковы бы ни были трудности, капитализм обречен. Порукой этому — непобедимая мировая партия Ленина—Сталина. Борьба международного пролетариата опирается на несокрушимую крепость социализма, созданную, укрепленную, охраняемую рабочим классом и всеми трудящимися СССР. Предательскую, изменническую политику ведут троцкисты. Уже давно троцкизм перестал быть идейным течением в рабочем классе, уже давно троцкисты превратились в банду шпионов, убийц и реставраторов капитализма.

В бешеной злобе смотрят на советские границы все враги рабочего класса. Они устраивают заговоры, подталкивают друг друга, натравливают друг друга на Советский Союз. Красная Армия советской страны спокойно смотрит на эту блудливую и трусливую возню. Она защищает мир на своих границах, она служит делу мира между всеми странами. Именно это и приводит в такое бешенство фашистских агрессоров. Если бы не спокойная и уверенная сила Советского Союза, ужасная судьба мирного баскского городка, несчастной Герники, ожидала бы уже теперь множество городов Европы.

Спокойно, радостно и уверенно встречает советская страна день Первого мая. На международный пролетарский смотр выводит она в двадцатый год своего существования мощную социалистическую индустрию, до срока выполнившую второй пятилетний план. Под красными знаменами пройдут по улицам и площадям советских городов творцы этой победы — рабочие, инженеры, служащие. В значительной части — это советская молодежь, воспитанная в большевистской школе социалистического труда. В первых рядах — стахановцы, мастера высокой производительности труда.

Советские села не отстают от городов. На первомайский смотр выходят передовые колхозные борцы за 7—8-миллиардный урожай, новые люди, каких впервые с удивлением узнал весь мир.

В *первомайских колоннах* выступают трудящиеся. В Советском Союзе — это вся страна. Это все ее народы, скрепленные дружбой. Союз рабочих и крестьян олицетворен в этих праздничных колоннах. Народу принадлежит вооруженная сила, и он с любовью и гордостью смотрит на своих сыновей — Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, вооруженную первоклассной боевой техникой.

На первомайский смотр международного пролетариата советский народ выходит со своей Конституцией, в которой записана самая полная, самая широкая демократия в мире.

У трудящихся советской страны есть все основания в день Первого мая оглянуться с удовлетворением на прошедший год. Велики успехи и завоевания. Жить становится все лучше, все веселее. Подлинно светлый праздник воплощен в пролетарском дне смотра боевых сил.

В советской стране осуществились мечты лучших людей рабочего класса. Именно такой вставала картина будущего в видениях Маркса, Энгельса, Ленина. А впереди — еще более увлекательные картины победы рабочего класса, полного торжества коммунистического общества. К этому ведет народы Советского Союза партия большевиков, ее Центральный Комитет под руководством товарища Сталина.

Но ни на минуту не забываем мы, что только в советской стране завоевана и закреплена свобода трудящихся. Борьба не окончена, пока существует в мире капитализм.

Сорок три года назад Энгельс писал в первомайском своем приветствии испанским рабочим: «1 мая означает два резко разграниченных и противоположных друг другу лагеря: с одной стороны — международный пролетариат, идущий к победе под красным знаменем всеобщего освобождения, с другой стороны — имущие и реакционные классы всех стран, об'единившиеся для защиты своих эксплоататорских привилегий. Борьба начата, красное знамя развернуто, победа верная, вперед!»

На испанских рабочих *сосредоточены* глаза мира. С ними — сочувствие миллионов трудящихся. Борьба продолжается, красное знамя утверждено над советской страной. Оно развевается над миллионами пролетариев. Победа верная, вперед!

ПРИКАЗ

Народного Комиссара Обороны Союза ССР

№ 73 **1 мая 1937 года.** **г. Москва.**

Товарищи бойцы, командиры, политработники, инженеры и техники Рабоче-Крестьянской Красной Армии!

Поздравляю вас с всенародным праздником 1 Мая — праздником освобожденного творческого труда и международной пролетарской солидарности.

С законной гордостью и радостью победителей становятся сегодня в ряды первомайских демонстраций свободные граждане страны Советов. Поистине огромных успехов в строительстве новой социалистической жизни добились рабочие, крестьяне и советская интеллигенция. Крепко спаянные узами дружбы и братства, народы Советского Союза под мудрым водительством партии Ленина—Сталина сделали нашу страну могучей и непобедимой социалистической державой.

Сегодня трудящиеся нашей страны, празднуя свой первомайский праздник, подводят блестящие итоги своей героической борьбы и напряженного творческого труда. Досрочное выполнение второго пятилетнего плана промышленности и железнодорожного транспорта — огромная победа большевистского руководства и стахановских методов труда, ярчайшее свидетельство неисчерпаемых творческих сил советского народа.

В трудовом энтузиазме и в непревзойденных образцах массового героизма советских людей, в блестящих победах советской науки, техники, искусства воплощаются исполинские творческие силы народов Союза ССР — полных хозяев своей социалистической Родины, своей собственной судьбы.

Неузнаваемой становится наша земля, где большевистская воля соединяет каналами моря и реки и заставляет все силы природы служить человеку. Наша страна в виде прекрасного первомайского подарка получает канал Волга-Москва — величайшее сооружение советской эпохи.

Все эти величественные победы достигнуты нашим героическим народом вопреки сопротивлению всех и всяческих врагов социализма, вопреки вредительской деятельности изменников и *предателей Родины* — троцкистско-зиновьевских и право-оппортунистических шпионов и диверсантов. Эти победы социализма записаны ныне в великой Сталинской Конституции СССР, открывающей новую полосу в строительстве советского государства. Сталинская Конституция СССР знаменует собой расцвет подлинной советской демократии, еще более тесную связь всех трудящихся масс с органами советской власти, обеспечивает еще более широкое и всестороннее участие их в управлении своим собственным государством.

Как никогда едина и сплочена наша большевистская партия. Как никогда крепок братский союз рабочих и крестьян. Нерушимо содружество народов нашей страны. Как никогда трудящиеся массы сплочены вокруг своего передового отряда — Коммунистической партии. В этом — наша сила. В этом — залог могущества нашей Родины. В этом — основа мощи нашей родной Красной Армии.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия достойна своей великой Родины. Она показывает подлинные образцы стахановской работы, неустанно крепит свою мощь, совершенствует свои политические, военные, технические знания. Тысячи ее бойцов, командиров, начальников, политработников, инженеров и техников за свою самоотверженную работу, за верность своему долгу отмечены Правительством высшими наградами—орденами Союза ССР, а лучшие из лучших удостоены звания Героев Советского Союза. Эту высокую оценку лучшим людям Красной Армии, это внимание нашего Рабоче-Крестьянского Правительства ко всей Красной Армии мы обязаны оправдать своей безупречной большевистской работой, своей беззаветной преданностью нашему великому народу, его Правительству и партии Ленина — Сталина.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники!

Помните, что социалистическое государство рабочих и крестьян живет в капиталистическом окружении, что смертельные враги социализма, враги мира между народами, поджигатели войны готовы на все, чтобы в подходящий для них момент напасть на нас; готовы на все, чтобы подорвать и ослабить нашу мощь. Помните, что там, где вместо бдительности господствует беспечность и самоуспокоение, где упорная настойчивая работа над своим совершенствованием подменена бахвальством и зазнайством, там враги народа наверняка найдут благоприятное поприще для своей шпионской, вредительской и диверсантской деятельности. Вот почему всегда и везде — на охране священных советских границ, на аэродромах и полигонах, в складах, базах и мастерских, на службе и вне службы—всюду бойцы РККА должны быть по-большевистски бдительны и, как зеницу ока, оберегать наше боевое имущество, хранить военную тайну, крепить железную воинскую дисциплину.

Чтобы выполнить до конца священный долг защиты нашей великой Родины, командиры, начальники, красноармейцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии должны неустанно работать над овладением великой теорией Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, должны быть воспитаны все без исключения, как подлинные партийные и непартийные большевики, беззаветно преданные своей Родине, сознательные и стойкие защитники социализма.

Товарищи молодые бойцы Красной Армии! Сегодня вы перед лицом советского народа и трудящимися всего мира даете присягу Правительству СССР честно и добросовестно выполнять почетную обязанность бойца доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Поздравляя вас с этим торжественным актом, выражаю твердую уверенность, что вы будете достойными сынами нашей великой Родины, с честью нося славное звание красноармейца.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия — оплот неизменной мирной политики Советской власти — должна быть и будет всегда готова по первому зову своего Правительства до конца разгромить всех, кто осмелится посягнуть на свободную, счастливую и радостную жизнь народов советской страны.

Да здравствует наша могучая славная Родина!

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!

Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия!

Да здравствует наш великий Сталин!

Народный Комиссар Обороны СССР
Маршал Советского Союза
К. ВОРОШИЛОВ.

Георгий Димитров

Единство международного пролетариата — высшее веление переживаемого момента

I

Вся международная обстановка в настоящий момент находится под знаком лихорадочной подготовки фашизмом нового передела мира путем захватнической войны и в то же время под знаком установления единства международного пролетариата и собирания сил трудящихся, сторонников демократии и мира, для борьбы против фашизма и войны.

Фашистские агрессоры на Западе и Востоке всячески спешат договориться насчет путей, средств и об'ектов своей агрессии. Берлин, Рим и Токио связываются между собой разнообразными пактами и военными договорами. Интервенция Гитлера и Муссолини в Испании, их война против испанского народа, так же, как и захватнические действия японской военщины в Китае, являются, несомненно, этапами подготовки большой войны.

Несмотря на существующее различие интересов между этими поджигателями войны, они об'единенными усилиями ведут подрывную работу в нефашистских странах, стоящих за сохранение мира, всячески поддерживают реакционные партии и группы в этих странах, организуют перевороты против неудобных для них и их целей правительств и режимов, сеют повсюду контрреволюционную анархию. Их преступную руку можно увидеть и в предательской деятельности де ла Рока и Дорио во Франции, Дегреля в Бельгии, Генлейна в Чехословакии, в происках фашистов в скандинавских и балканских странах, в Венгрии и в Австрии, в Польше и в прибалтийских государствах, в политике прояпонских элементов Китая и в херстовских кругах Соединенных Штатов Америки.

Жизненно заинтересованные в максимальном ослаблении обороноспособности народов в отношении фашистской агрессии, в дезорганизации рабочего движения и срыве складывающегося народного фронта, фашистские агрессоры в этих целях повсюду используют троцкистов в качестве своей агентуры. Они берут под свое покровительство IV интернационал — это сборище ренегатов и предателей рабочего класса и агентов полицейских охранок. Бешенство фашистов особенно направлено против Советского Союза, против великой страны социализма, как самого могучего оплота мира, свободы и прогресса всего человечества, как величайшего препятствия на пути фашистской агрессии.

Нет никакого сомнения, что фашистские правители Германии и Италии и фашистская военщина Японии разожгли бы уже пожар мировой войны, если отсутствовал бы такой могучий страж мира, как Советский Союз, если не происходили бы в рядах международного пролетариата серьезные сдвиги в сторону усиления борьбы против фашизма и создания единого народного фронта, если испанский народ не сумел бы так героически отражать атаки фашизма, если французский пролетариат не создал бы антифашистский народный фронт и китайский народ не пошел бы по пути об'единения своих сил в общенациональном фронте против японских захватчиков.

Но все это только затруднило выполнение злокозненных планов фашистских поджигателей войны. Они от своих планов не отказались и добровольно никогда не откажутся. После разгрома фашистских полчищ Муссолини под Гвадалахарой иностранные интервенты бросают новые вооруженные силы против испанского народа. Делая страдающему ребяческой наивностью и политической слепотой лейбористскому вождю Ленсбери миролюбивые заявления, Гитлер усиленно готовит удар против Чехословакии, уничтожение которой, как самостоятельного государства, согласно фашистской концепции, необходимо для «умиротворения Европы». Германский фашизм готовит поглощение Австрии, подготовляет фашистские перевороты в Бельгии и в ряде других стран. Японская военщина, со своей стороны, всячески старается разбить демократическую оппозицию у себя дома, чтобы с тем большей агрессивностью напасть на китайский народ.

Опытом многих лет доказано, что никакие уговоры не в состоянии остановить фашистских поджигателей войны. Для их обуздания есть только одно действенное средство — это об'единенная непрерывная борьба народных масс против фашизма в отдельных странах и в международном масштабе. Только единое действие международного пролетариата, сплачивающего вокруг себя все трудящиеся слои, все прогрессивные, демократические элементы, всех подлинных сторонников мира, в состоянии обуздать распоясавшихся фашистских наглецов и похоронить навсегда их разбойничьи планы.

Все события последнего времени показывают, что там, где пролетариат единодушно и решительно выступает против фашизма, где трудящиеся массы сплочены в единый антифашистский фронт, фашизм не может поработить рабочий класс, не может закабалить народ, решивший беззаветно защищать всеми средствами свои права, свою свободу и независимость.

Девятимесячная борьба испанского народа, стойко отражающего вооруженные атаки фашизма, успехи народного фронта во Франции, растущее антияпонское движение в Китае уже привели к результатам, бесспорно подтверждающим эту истину, как и все историческое значение единого народного фронта в деле борьбы против фашизма и войны. Теперь каждый может на живых примерах в ряде стран убедиться, что там, где создан народный фронт, где массы дают фашизму отпор, а не следуют гнилой теории «не дразните фашистского зверя», там фашизм терпит поражение. Успехи народного фронта в нефашистских странах не только преграждают дорогу фашизму в этих странах, но и оказывают неотразимое влияние на народные массы в странах фашистской диктатуры и подрывают ее устои.

II

История возлагает в настоящий период на международный пролетариат великую миссию — спасти человечество от варварства фашизма, от ужасов подготовляемой им новой империалистической бойни.

Помочь испанскому народу освободиться от фашистских насильников и интервентов; помочь германскому и итальянскому народам разбить цепи фашистского режима; помочь китайскому народу в его борьбе против японских захватчиков; помочь малым нациям отстоять свою свободу и независимость; создать неприступный барьер для фашистской агрессии на Западе и на Востоке,— таков на данном этапе конкретный путь выполнения исторической миссии международного пролетариата. И выполнение этой миссии вполне ему по силам, если он будет действовать едино и организованно.

Самый передовой отряд международного пролетариата — рабочий класс Советского Союза — является государственно организованной силой. Он возглавляет могучее государство, которое стоит на страже мира и свободы всех народов. На одной шестой части земного шара рабочий класс СССР под руководством великой партии Ленина—Сталина, свергнув помещиков и капиталистов, установив пролетарскую диктатуру, добился победы социализма и осуществляет подлинный демократизм, закрепленный в новой Конституции СССР. О величайшем международном значении этой Конституции товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном С'езде Советов говорил:

«Теперь, когда мутная волна фашизма оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства».

Другой героический отряд международного пролетариата — рабочий класс Испании — борется на передовых позициях против фашизма, сплачивая все теснее свои ряды и ряды испанского народа в антифашистском народном фронте. Являясь ведущей силой вооруженного народа, испанский пролетариат с правительством народного фронта во главе отстаивает своей грудью не только свободу и независимость своей страны, но и интересы всего международного пролетариата, общее дело демократии и мира.

Рабочий класс Франции, начавший с установления единого фронта в своей среде, об'единил свои профсоюзы в единую Конфедерацию труда, охватывающую уже свыше 5 миллионов рабочих. Он создал народный фронт, о который разбиваются темные происки французского фашизма. Успехи народного фронта во Франции дают сильный толчок движению народного фронта в других странах.

Рабочий класс Соединенных Штатов впервые в истории Америки проявляет свою самостоятельность как класс, об'единяя свои силы в массовые профессиональные союзы и активно выступая в первых рядах демократических и прогрессивных сил страны против реакции и фашизма.

В Англии рабочий класс, составляющий подавляющее большинство населения страны, располагающий мощными организациями, представляет собою огромную силу, удельный вес которой в международном рабочем движении увеличивается благодаря особому положению, которое занимает Англия в мировой политике. При условии боевого единства действий всех сил лейбористского и коммунистического движения английский пролетариат в состоянии не только отбросить всякую реакцию в своей стране, но и сыграть важную роль в международной борьбе против фашизма и войны.

Не указывая подробно на все другие страны, можно без всякого преувеличения отметить, что движение за единство рабочего класса растет, хотя и не всюду одинаковыми темпами, не только в странах, находящихся под угрозой фашизма и агрессии фашистских государств, но и в странах фашистской диктатуры.

Установление единства действий международного рабочего класса против общего врага, смертельного врага всего человечества — фашизма, **является основной неотложной задачей рабочих организаций всего мира, высшим велением переживаемого момента.**

Это — задача трудная и большая, выходящая за рамки обычных текущих задач рабочего движения. Но решение этой задачи изменит коренным образом ход политических событий, даст новое направление им в интересах трудящихся, сделает рабочий класс и его организации силой, оказывающей крупнейшее влияние на судьбы как своего народа, так и судьбы всего человечества.

Что требуется, прежде всего, для осуществления этой задачи огромного исторического значения?

Во-первых, нужно, чтобы все рабочие организации осознали необходимость сосредоточить борьбу против **главного врага,** против ударного кулака наиболее реакционной части крупной буржуазии — против **фашизма.** Нужно, чтобы все рабочие организации при определении своей политики исходили из **защиты интересов собственного класса,** а не действовали в угоду интересам буржуазии. Исходя из своих классовых интересов, рабочий класс и его организации тем самым защищают интересы всех эксплоатируемых, всего народа. Нужно положить конец политике примирения интересов эксплоатируемых и эксплоататоров. Нельзя быть одновременно и на стороне финансовых магнатов, и на стороне трудящихся. Нельзя служить одновременно, как говорится, и богу, и мамоне. Нельзя быть и с мятежными генералами, и с испанским народом. Нельзя быть за победу испанского народа и искать компромисса с генералом Франко. Нельзя на словах клясться в симпатии к Испанской республике, а на деле, в угоду английским консерваторам, отказывать ей в средствах обороны. Нельзя заявлять о своей готовности бороться с фашизмом и в то же время травить коммунистов, самых последовательных борцов против фашистских насильников.

Во-вторых, необходимо обуздать находящихся в рядах рабочего движения врагов единого фронта. Рабочие массы жаждут единства действий, но некритическое отношение к „авторитетам“, плохо понятая преданность своей организации часто мешают рабочим выступить против тех лидеров, которые своими бесчестными маневрами срывают создание единого фронта. Раз эти лидеры не хотят подчиниться общей верховной воле рабочего класса, раз они предпочитают служить буржуазии, ставят свои личные карьеристские интересы выше интересов рабочего класса, то элементарная обязанность каждой рабочей организации — найти в себе достаточно мужества, найти пути и средства, чтобы осуществить свою волю к единству, несмотря на все препятствия.

В-третьих, необходимо дать самый решительный отпор всем, кто ведет клеветническую кампанию против СССР. Борьба против СССР — это борьба против социализма — великой цели рабочего класса, вписанной в программу подавляющего большинства рабочих организаций всего мира. Борьба против СССР — это борьба против величайшей в истории человечества победы рабочего класса, которая во много раз увеличивает силы всего международного пролетариата и трудящихся. Борьба против СССР — это важнейшая часть коварного плана фашистов, направленного к раздроблению сил международного пролетариата, чтобы легче бить его по частям, разгромить рабочее движение, закабалить рабочий класс и всех трудящихся капиталистических стран под игом фашистской диктатуры. Нельзя быть врагом фашизма и в то же время бороться против СССР, этого форпоста международного антифашистского движения. Нельзя быть социалистом и даже честным демократом, не стоя решительно и безраздельно на стороне Советского Союза — великой страны социализма и подлинной всенародной демократии. Отношение к Советскому Союзу, по сути дела, является для каждого деятеля рабочего движения, для каждой рабочей организации пробным камнем ее преданности интересам рабочего класса, ее верности социализму.

В-четвертых, необходимо, ведя борьбу против фашизма, бить со всей беспощадностью по его троцкистской агентуре, являющейся бандой шпионов, диверсантов, террористов, полицейских провокаторов на службе у германского фашизма и японской военщины. Троцкистские выродки ведут по заданиям фашистских разведок подрывную работу против страны социализма, делают все, чтобы углубить раскол и не допустить единства рабочего движения в других странах, стараются разложить изнутри движение народного фронта. Повсюду они выступают как вредители рабочего движения, дезорганизаторы борьбы народных масс против фашизма. Единство международного пролетариата против фашизма и войны немыслимо и невозможно без борьбы против троцкистской агентуры фашизма.

Таковы самые **элементарные условия,** которые необходимы для осуществления единства действий международного пролетариата против фашизма и войны. Но как раз деятельность тех **лидеров,** которые имеют решающее слово при определении политики Второго и Амстердамского интернационалов, идет вразрез с осуществлением даже этих элементарных условий. Они не только систематически отклоняют предложения коммунистических партий и Коммунистического Интернационала о совместных действиях в защиту испанского народа, но и подавляют инициативу тех организаций Второго интернационала, которые выступают общим фронтом с коммунистами против фашизма и германских и итальянских интервентов в Испании. Тщетно пытались делегаты социалистической партии и Всеобщего рабочего союза Испании на лондонской конференции Второго и Амстердамского интернационалов пробить стену холодного равнодушия к героической борьбе испанского народа. Тщетно они взывали к этим интернационалам о поддержке их борьбы путем совместных действий всех организаций рабочего класса. Делегаты Испании ушли с конференции глубоко разочарованные. Оба интернационала в своих решениях не вышли из рамок заявлений и постановлений, приемлемых для английских консерваторов.

Враги единства рабочего класса, реакционные лидеры из рядов этих интернационалов не только саботируют дело решительной, всесторонней помощи испанскому народу, но идут дальше. Они принимают все меры к тому, чтобы расколоть народный фронт в самой Испании, интригуют, сеют недоверие, натравливают социалистических руководителей на коммунистическую партию, ослабляя тем самым и крепость народного фронта и обороноспособность Испанской республики. Наряду с этим, теперь, когда пример французского пролетариата, установившего единство действий и давшего на основе народного фронта отпор фашизму, воодушевляет рабочих всех стран, реакционные лидеры плетут сеть интриг, направленных к тому, чтобы разжечь недоверие между социалистической и коммунистической партиями Франции, подорвать народный фронт и подготовить условия создания правительства коалиции буржуазии и социалистической партии, направленного против коммунистов и движения народного фронта. Они, таким образом, приносят в жертву интересы рабочего класса в угоду самым реакционным слоям буржуазии. Для этих лидеров главный враг не фашизм, а коммунизм. Для Ситрина, Бевина, Адлера главный противник — не Франко, а героиня испанского народа Долорес Ибаррури, не де ла Рок и Гитлер, а Торез и Тельман.

III

Наивно было бы думать, что можно достигнуть единства действий пролетариата путем увещаний, уговоров или заклинаний реакционных лидеров. Нельзя добиться единства международного пролетариата без упорной борьбы всех его сторонников против открытых и скрытых врагов единства.

Иногда из рядов социалистов раздаются голоса, утверждающие, что коммунисты своей открытой и прямой критикой поведения лидеров Второго и Амстердамского интернационалов затрудняют создание единого фронта. Но можно ли добиться создания единого фронта, не критикуя решительным образом тех, кто всеми мерами этому мешает? Какие бы мы были деятели рабочего движения, если бы не сказали открыто всей правды по такому важнейшему для всего рабочего класса вопросу.

Не тот помогает делу единства рабочего класса, кто замалчивает или прикрывает вредные действия реакционных лидеров в рядах рабочего движения. Кто отказывается, якобы в интересах единого пролетарского фронта, от борьбы против его врагов и от критики реформизма, подчиняющего рабочее движение интересам буржуазии, тот оказывает плохую услугу рабочему классу.

Плохой борец за единство рабочего класса и народный фронт против фашизма и войны тот, кто думает, что наличие народного фронта освобождает нас от необходимости вести борьбу за принципиальные основы и коренные интересы рабочего движения против враждебных рабочему классу теорий и взглядов. От такой борьбы дело единого фронта не пострадает, оно может только выиграть. Больше того, такая борьба является необходимым условием для действительного развертывания и укрепления единого народного фронта против фашизма и войны.

Никогда нельзя забывать, что, борясь последовательно и упорно за установление единого народного фронта, коммунисты ведут не политику беспринципного блока, а принципиальную политику.

Когда мы решительно боремся за защиту демократических прав и свобод, против реакции и фашизма, мы делаем это как марксисты, как последовательные пролетарские революционеры, а не как буржуазные демократы или реформисты. Когда мы выступаем в защиту национальных интересов своего народа, в защиту его независимости и свободы, мы не становимся националистами, буржуазными патриотами, а делаем это как пролетарские революционеры и верные сыны своего народа. Когда мы выступаем в защиту свободы религии, против фашистского преследования верующих, мы не отступаем от своего марксистского мировоззрения, свободного от всяких религиозных предрассудков.

Проводя политику народного фронта против фашизма и войны, идя на совместные действия с другими партиями и организациями трудящихся против общего врага, борясь за их насущные интересы и демократические права, за мир и свободу, коммунисты не упускают из виду исторической необходимости революционного свержения капитализма, который изжил себя, и осуществления социализма, который несет освобождение рабочего класса и всего человечества.

Правильное сочетание проведения политики народного фронта с пропагандой марксизма, с поднятием теоретического уровня кадров рабочего движения, с овладением великим учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина как руководством к действию — этому нам нужно научиться и повседневно учить наши кадры и массы. Нельзя допускать того, чтобы «из-за деревьев не видеть леса». Нельзя допускать, чтобы был отрыв практики от теории, чтобы был разрыв между выполнением актуальных задач сегодняшнего дня и дальнейшей перспективой и целями борьбы рабочего класса. Нельзя забывать, что чем дальше развертывается движение народного фронта, чем сложнее становятся тактические проблемы движения, тем более необходимым является подлинно марксистский анализ положения и соотношения борющихся сил, тем более необходимо иметь в руках надежный компас марксистско-ленинской теории.

* * *

Пролетариат является самым последовательным борцом за создание и укрепление единого народного фронта против фашизма в национальном и международном масштабе. Без пролетариата вообще невозможен народный фронт. Пролетариат является основной движущей силой всякого антифашистского народного движения, всякого массового движения в защиту демократии и мира. Он борется совместно с демократической мелкой буржуазией, крестьянством и интеллигенцией против их общего врага. Но пролетариат должен рассчитывать, в первую очередь, на свои собственные силы, на единство рядов рабочего движения в каждой отдельной стране и на единство международного рабочего движения. Ибо чем сплоченней и организованней пролетариат, тем вернее он сможет защищать свои классовые интересы и тем лучше сможет выполнить свою ведущую роль в рядах единого народного фронта.

Отсюда вытекает для коммунистов и всех сознательных рабочих задача — не жалеть усилий, не останавливаться ни перед какими трудностями, не оставлять неиспользованной ни малейшей возможности для того, чтобы продвигать вперед дело единства действий рабочего класса в национальном и международном масштабе. Это дело надо развивать вплоть до достижения полного единства профдвижения и создания единой массовой партии пролетариата. И здесь надо ясно сказать, что тем скорее будет осуществлено единство пролетариата, тем больше успехов будет в деле создания и укрепления единого народного фронта, чем сильнее будут в численном, организационном, идеологическом отношении сами коммунистические партии, чем больше они будут пользоваться доверием и поддержкой лучших, передовых элементов рабочего класса и трудящихся масс. Ибо коммунисты являются самыми решительными и последовательными борцами за осуществление единства рабочего класса в национальном и международном масштабе.

Чтобы добиться успеха в борьбе за единство рабочего класса, за единый народный фронт, необходимо ежедневно и неустанно работать над усилением и укреплением рядов коммунистических партий и всего Коммунистического Интернационала. Это диктуется жизненными интересами как международного пролетариата, так и всего передового и прогрессивного человечества.

Молодые бойцы Московской пролетарской дивизии, присягающие 1-го мая на верность социалистической родине.

Фото М. Озерского.

Праздник труда и интеллекта

Братство человечества основано не только на внешнем сходстве. Всем народам мира, независимо от цвета кожи и формы черепа, свойственны те же законы мышления и ассоциации идей. Искусство потеряло бы смысл и было бы обречено на гибель в каждой отдельной стране, если бы не существовала возможность общения и связи между людьми в пространстве и времени.

Нас, людей Европы, волнуют китайская поэзия, негритянская скульптура и индийские пляски. Таково прекрасное, глубокое единство нашего земного шара, единство, которое тщетно пытаются прикрыть различием интересов, разобщить классовыми перегородками и ложными идеологиями.

Помимо уз, которые связывают или, вернее, должны были бы связывать людей, существует одна подлинная и высшая связь — труд. Труд рождается в ладонях человеческих рук, как растение вырастает в поле. Существует братство между всеми видами труда. Существует братство между всеми трудящимися. Наше тело имеет пять органов чувств, но самое важное в нем — голова, способная воспринимать и мыслить. Нет труда, в осуществлении которого не участвовало бы все наше тело. Слава Советскому Союзу, в особенности, за то, что стахановское движение создало новый тип человека, об'единяющего умственный труд с физическим.

Праздник труда 1 мая будет отмечен во всех концах мира и, тайком, даже в фашистских странах. Он является братским праздником и для рабочих и для интеллигенции.

Я был свидетелем проявления этого братства во время больших народных демонстраций во Франции за последние два года. Оно было новым и непреложным свидетельством единства умственного и физического труда: толпа приветствовала писателей и художников, а они приветствовали от всего сердца великий человеческий труд.

Я ощущал связь между мыслью и физическим трудом на Международном конгрессе писателей в защиту культуры, происходившем в 1935 году в Париже. Это были не просто возгласы привета, поднимавшиеся из толпы к трибуне, не только овации, относившиеся в особенности к советским писателям. В сердцах толпы осуществлялось глубокое сближение между идеей подлинной культуры и идеями благородства и справедливости, символом которых является слово «революция».

Наряду с извечным человеческим трудом, являющимся результатом напряжения мышц, формируется та культура, в создании которой участвует все, что есть наиболее достойного на нашей планете. Ее идеи завоевывают мир. Уже само существование Советского Союза служит для человечества, так сказать, «катализатором», помогающим отдельным химическим веществам осуществить свое соединение.

И это происходит не только во Франции. Во время последних двух путешествий по Южной Америке, этому прекрасному континенту, где, к сожалению, еще слишком широко распространены отсталые идеи, я получил многочисленные подтверждения этого факта.

Нужен ли лучший пример, чем южноамериканское движение за реформу университетского образования? Аргентина, Перу и Мексика пытаются из'ять дело просвещения из рук иезуитов. Это прекрасное освободительное движение осуществляется борцами, чьи взгляды обращены из-за далекого Атлантического океана в сторону Волги и Урала.

Первое мая — праздник трудящихся всего мира. Это — праздник труда, которому писатели обязаны своими тайными и сокровенными радостями. Радость этого праздника еще ярче расцветает от сознания тесного сотрудничества писателей с трудящимися всего мира.

ЛЮК ДЮРТЕН.

Париж.

ПРИВЕТ ИЗ ИСПАНИИ

С величайшим волнением приветствуем мы сегодня, в день мирового праздника пролетариата, воплощение победившего труда — Советский Союз и его народ. Ни на один момент не исчезают из нашей памяти волнующие воспоминания о тех проявлениях горячей симпатии к делу республиканской Испании, которые мы видели во время своего короткого пребывания в СССР. Мы не перестаем каждый день рассказывать детям, бойцам и своим друзьям в Мадриде о вашей жизни, о том, как вы переживаете изо дня в день нашу войну, о том напряженном интересе, с каким вы ожидаете сообщений с фронтов борьбы за свободу Испании.

Вы теперь разделяете свой первомайский энтузиазм с прибывшими в СССР представителями испанского народа. Делегаты Испании увидят собственными глазами радостные празднества, которыми вы каждый год встречаете новую весну ваших побед. Они вам лучше нас расскажут об Испании. Нам остается только сказать, что глаза наших героических бойцов загораются, когда мы рассказываем им о счастье ваших детей, о мощи вашей Красной Армии.

Мария Тереса ЛЕОН.
Рафаэль АЛЬБЕРТИ.

Мадрид.

РУКА ОБ РУКУ С РАБОЧИМ КЛАССОМ

Глубокие изменения произошли за последние годы среди передовой части американской интеллигенции. Она покинула «башню из слоновой кости», отказалась от своей аполитичности, потеряла иллюзию о том, что ей дана привилегия оставаться вне борьбы. Более того, передовая американская интеллигенция осознала, что в борьбе за новый, лучший мир роль исторического авангарда принадлежит рабочему классу.

Не только на словах существует союз нашей передовой интеллигенции с рабочим классом. Экономический кризис заставил представителей умственного труда понять, что они тоже эксплоатируемы. Отсюда — создание таких профсоюзов работников умственного труда, как Газетная гильдия, Об'единение сценаристов, Союз писателей и художников, Союз учителей, Гильдия юристов, Федерация архитекторов и инженеров, Об'единение актеров и т. д. Эти люди узнали безработицу, участвовали в забастовках и непосредственно на своей спине испытали, каково положение трудящихся при капиталистическом строе. В то же время представители передовой интеллигенции принимали участие в борьбе пролетариата.

Наконец, мы должны отметить рост влияния пролетарских идей на американскую литературу в целом. Новелла, драма и поэма глубоко преобразились под влиянием тех писателей, которые ближе всего стоят к рабочему движению. К ним принадлежат писатели старшего поколения, как Дос-Пасос, Майкл Голд, Энтон Синклер, Уолдо Франк и более молодые — Хербст, Одетс и Лоусон. События в Испании явились великой проверкой. Только после того, как передовые организации рабочего класса показали нашей стране значение идущей в Испании борьбы за мировую демократию, многие из наших лучших писателей отправились в Испанию. Среди них — Эрнст Хеммингуэй, Дос-Пасос, Джозефина Хербст, Синклер Льюис.

Мы можем с уверенностью сказать, что в первомайской демонстрации, в особенности в Нью-Йорке, Чикаго и Лос-Анжелосе, тысячи писателей, художников, врачей, юристов, учителей, журналистов и инженеров будут итти рука об руку с углекопами, автомобильными рабочими и металлистами. И это будет символом растущего стремления масс к созданию народного фронта в Америке.

Джозеф ФРИМЕН.

Нью-Йорк.

НАША РОДИНА—СТРАНА ТАЛАНТОВ

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА ДАРВИНА

Трофим Денисович Лысенко — один из наиболее молодых советских ученых. Ему 38 лет. Для ученого, тем более для академика, это молодой возраст. Сын крестьянина, Лысенко получил образование при советской власти. Советская власть поставила его во главе научного института и создала ему широчайшие возможности для работы и роста. Его научные открытия немедленно проверяются на практике десятков тысяч колхозов.

Деятельность Лысенко, широко известная у нас, в Европе и Америке, показывает, какие замечательные таланты таились и таятся в недрах народных.

В чем состоит значение работ Т. Д. Лысенко?

Современные физиология растений и агрохимия накопили горы фактов. Но не всегда за этими грудами чисел, кривых и таблиц видно понимание существенного. Стало уже тривиальностью то положение, что в современной науке обобщение отстает от накопления фактов. Ученые XVIII столетия, хотя бы Лавуазье, Сенебье, Соссюр, Ингенгоус, имели сравнительно с нами очень мало фактов, но этот недостаток они восполняли настойчивым размышлением, обобщением, развивали в себе эту способность. Большинство ученых нашего времени свое неумение диалектически думать и рассуждать перекрывает громадой фактических наблюдений и фактов, горами чисел и таблиц. Последние для науки важны, как воздух, но сами по себе они науку еще не двигают.

Трофим Денисович Лысенко знает цену факта, наблюдения. Но факт для него важен не сам по себе. Из яровизации он вырастил теорию стадийного развития. Теория эта дала уже социалистическому растениеводству много чрезвычайно интересных и полезных применений. Укажу хотя бы на ускорение процесса селекции, на борьбу с вырождением картофеля на юге и другие.

Трофим Денисович пока открыл только первые две стадии развития растений (яровизация и световая стадия). Физиология растений и тем более агрохимия еще не сделали эту теорию отправной для своих работ. Они все еще пытаются обходиться без нее. А это не выйдет. Не выйдет потому, что в идее стадийного развития вскрываются законы индивидуального, в пределах видов, развития растений.

Дарвин и эволюционная теория вооружили нас пониманием развития всей органической жизни на земле, пониманием основных, наиболее обобщающих законов изменчивости, отбора и наследственности. Трофим Денисович Лысенко, как настоящий дарвинист, в своей теории стадийного развития растений, да и во всей своей деятельности, упорно, настойчиво и правильно углубляет дарвинизм, применяя его к развитию растений, постигая пути их сознательной переделки и изменений.

На этом крайне сложном пути ему предстоит преодолеть еще немало трудностей. Но для меня совершенно ясно, что учение Т. Д. Лысенко победит, ибо оно правильное, диалектическое, историческое и эволюционное.

Академик В. Р. ВИЛЬЯМС.

ИВАН ДЗЕРЖИНСКИЙ

Кто из нас не запомнил тот волнующий вечер в Большом театре, когда впервые в Москве была показана опера «Тихий Дон» совсем еще молодого и почти неизвестного композитора И. Дзержинского?

Кто не полюбил с тех пор эту юношески-свежую оперу, в которой с такой художественно-убедительной силой раскрылось самобытное дарование советского композитора?

«Тихий Дон» — первое большое произведение Дзержинского. Он работал над этой оперой 3 года. Работал упорно, горячо. Его не останавливали неизбежные трудности и даже неудачи в работе.

Эта опера стала одной из самых любимых советских опер и прочно вошла в репертуар крупнейших оперных театров Советского Союза. Она блестяще выдержала испытание и за рубежом.

Разумеется, было бы ошибкой считать «Тихий Дон» Дзержинского идеалом советского оперного искусства. В этой опере есть недостатки, и недостатки существенные. Но это — недостатки технического мастерства, которые постепенно преодолеваются композитором в процессе творческого совершенствования.

Об этом свидетельствует новая большая работа Дзержинского — опера «Поднятая целина», по мотивам одноименного романа М. Шолохова.

Самый выбор этого сюжета для второй оперы говорит об огромном диапазоне музыкально-драматического таланта композитора. Дзержинский решительно и смело идет по пути создания советской оперной классики. Его влечет глубокая философская тематика большого социального значения.

Ни в «Тихом Доне», ни в «Поднятой целине» Дзержинский не пользуется цитатами из народных песен. Тем более поражает его глубокое проникновение в подлинный характер народной музыки.

Оперному творчеству Дзержинского — с его высоким идейным содержанием—глубоко чужды схематизм и формальный изыск. В равной мере ему чужды «грациозная слабость, изящное бессилие, интересная бледность», которые так зло бичевал в искусстве еще Гейне.

Его музыкальная палитра многокрасочна и многообразна. Он сочетает высокий пафос героики, романтическое обаяние певучей лирики и здоровый народный юмор.

Дзержинскому 27 лет отроду. Перед ним широкая дорога творческого развития. То, что сделал Дзержинский, только начало, но начало многообещающее.

Народный артист республики С. САМОСУД.

Юный скрипач **Лена Тарасенкова-Румянцева** (Детская музыкальная школа им. Глазунова в Москве). Фото М. Озерского.

УСПЕХ «СЛАВЫ»

Голос молодого поэта давно уже звучит со страниц советских журналов и газет. Любовь к великому отечеству трудящихся, восхищение перед героизмом и мужеством советских людей, высокая патриотическая гордость, рождаемая успехами нашей техники, ростом нашего богатства, могучим под'емом сил нашей Красной Армии и Флота, — вот содержание стихов Гусева, простых, ясных, с нарочитой приближенностью к разговорной речи.

Молодой поэт некогда работал и учился в театре. Он знает дух театра. Ему близко слово, предназначенное для подмостков, освещенных огнями рампы.

«Слава»—пьеса в стихах о советском героизме—не случайное явление в творчестве талантливого двадцатисемилетнего автора. «Слава» в известной мере итог юношеского этапа в развитии поэта-публициста, это сумма его молодого опыта.

Военный инженер Мотыльков, его мать, старый актер Медведев, Лена, профессор Черных — все эти умные и сильные люди трогательны в своем простом, естественно изливающемся героизме. Здоровое чувство юмора, присущее автору, весьма обогащает созданные им образы. Советские актеры и советская публика полюбили их. Стихотворный язык пьесы воспринимается легко. Автор и в пьесе не изменил природе своего стиха—он очень прост, он разговорен, он родился из жажды автора быть понятым всей массой советских зрителей.

Поэт, воспитанный революцией, Виктор Гусев не знает порочных особенностей прежних «жрецов» от искусства: самовлюбленности, стремления к шумихе и рекламе. Он скромен и прост, как скромен, прост и сердечен его поэтический язык.

Конечно, «Слава» имеет и существенные недостатки. Действие пьесы развертывается еще слабо, драматические конфликты притуплены. Но эти недостатки не снижают большой творческой удачи молодого драматурга. «Слава»—излюбленный спектакль на громадном числе наших сценических площадок.

Молодой советский драматург работает упорно, и можно смело предсказать его новые, значительно большие успехи.

Заслуженный деятель искусств АЛЕКСЕЙ ПОПОВ.

Трое даровитых

Из сотен молодых музыкантов, прошедших за долгие годы моей педагогической работы (Тбилиси, Киев, Москва) мою школу, я сегодня хочу остановиться на трех: на Эмиле Гилельсе, Якове Заке и Эммануиле Гроссмане.

Э. Гилельс окончил Одесскую консерваторию по классу проф. Б. Рейнгбальд и уже 16-летним мальчиком завоевал первую премию на I всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей в 1933 году в Москве. С тех пор он продолжает совершенствоваться у меня в высшей школе мастерства и дает концерты в крупнейших городах Союза. Гилельс прежде всего — стихийное дарование. Его техника не знает трудностей; недаром знаменитый Эмиль Зауэр, слышавший его в Вене, сказал, что он за 50 лет своей жизни не запомнит такого дарования.

Гилельс — подлинный пианист «больших зал», он неминуемо покоряет самую широкую публику. Он обладает изумительной виртуозностью. Его игра захватывает своей теплотой, сочностью. Он имеет все данные, чтобы стать артистом мирового масштаба.

Для меня не подлежит сомнению, что Э. Гилельс после выхода из состояния «отроческих увлечений», в период будущей зрелости сумеет полностью передать и глубину бетховенской мысли и всю поэзию шопеновского гения. Для этого ему надо, кроме беспрерывной работы над углублением в авторский замысел и расширением репертуара, также постепенно приобретать тот об'ем культурных знаний, которым испокон века отличался всякий действительно крупный музыкант-художник.

Яков Зак, лауреат последнего варшавского конкурса, тоже получил свое образование в Одесской консерватории, в классе проф. М. М. Старковой. Пробыв затем 3 года аспирантом в моем классе, он был оставлен ассистентом при Московской консерватории.

Игра Зака подкупает не только прекрасным звуковым и техническим мастерством, но и большим чувством меры, благородством, ясностью и логикой, прекрасным осознанием художественного образа исполняемого произведения. Он олицетворяет особенно близкий моему пониманию тип художника, всецело преданного идеям автора, которого он исполняет, художника, старающегося не только сыграть все, что написано в нотах, но и то, что стоит между строк. Звук, ритм, чувство формы—все эти три столпа, на которых строится музыкальное произведение, широко используются Заком в его исполнительской практике.

Ценно в Заке и то, что наряду с исполнительской деятельностью он много любви и подлинного уменья отдает педагогической работе.

Эммануил Гроссман, окончивший техникум имени Гнесиных у преподавателя Листовой, 14-летним мальчиком поступил в консерваторию. После окончания вуза и аспирантуры он стал сотрудничать в моей кафедре, являясь одновременно доцентом класса камерного ансамбля в кафедре проф. Гедике, у которого он также окончил класс игры на органе.

На I всесоюзном конкурсе он получил 3-ю премию.

Интересно отметить, что один из видных иностранных профессоров,Ресслер, член жюри II варшавского Шопеновского конкурса 1932 г., в котором участвовал и был премирован Гроссман, недавно, при встрече со мной в Варшаве, говорил мне, что игра Гроссмана ему запомнилась на всю жизнь и что ему тогда казалось, будто это сам Шопен исполняет свои произведения. Эту высокую похвалу Гроссман действительно заслужил.

Все трое—Зак, Гилельс и Гроссман—комсомольцы. Несмотря на индивидуальное своеобразие каждого из них, они, как истинные дети нашей родины, имеют общие черты: это — преданность своему делу, любовь к труду, деловая скромность, сочетающаяся с сознанием своего достоинства, и чувство спаянности со всем огромным коллективом трудящихся нашей родины.

Заслуженный деятель искусств, директор Московской консерватории проф. Г. НЕЙГАУЗ.

МОЛОДАЯ СОЛИСТКА

В 1933 году на первом всесоюзном конкурсе музыкантов первую премию получила певица Е. Кругликова.

Лауреатка была молода и неизвестна. Интересующиеся могли узнать, что она окончила консерваторию в 1931 году, числится практиканткой в Большом театре и изредка поет перед микрофоном в зале Радиотеатра.

Она очаровала слушателей и жюри конкурса своим лирическим сопрано, красивым и теплым по тембру, большим по диапазону. Голос молодой певицы был хорошо обработан, и в исполнении арий она обнаружила бесспорную культуру.

С этих пор безвестная практикантка стала видной солисткой в самом крупном оперном театре страны. Она превосходно спела Татьяну в опере «Евгений Онегин», поставленной силами молодежи Большого театра. После ей стали давать одну за другой ответственные партии в различных спектаклях: Шелоги в «Псковитянке» и Февронии в «Граде Китеже», Эльзы в «Лоэнгрине», Натальи в «Тихом Доне». Теперь она включена в состав исполнителей опер «Отелло» (Дездемона) и «Поднятая целина» (Лушка).

Молодая артистка превосходно поет и — что очень важно—хорошо, вдумчиво, глубоко разрабатывает в сценическом отношении поручаемые ей партии. В то же время Е. Кругликова является талантливой камерной певицей и с хорошим чувством стиля исполняет романсы русских и иностранных композиторов.

Кто она? Где родилась? В какой семье воспитывалась?

Отец ее—крестьянин, сапожник по профессии. Сразу же по окончании девятилетки Е. Кругликова поступила в музыкальный техникум имени Рубинштейна в Москве, а отсюда перешла в консерваторию.

Е. Кругликова, подобно всем молодым людям нашей страны, может сказать с чувством глубокой благодарности, что советское правительство позаботилось о ее воспитании, о развитии ее таланта.

Народный артист республики Л. ШТЕЙНБЕРГ.

Сын доменщика

В конце декабря 1935 года Серго Орджоникидзе вызвал в Москву из Днепропетровска молодого инженера Павла Коробова. Встреча состоялась поздним вечером. Павел смутно догадывался, о чем будет итти речь: по всей вероятности, о переброске на другой завод.

Но на какой именно?

Серго спросил коротко, деловито:

— Поедете на Магнитку?

Павел смутился, покраснел.

— Конечно, поеду,—тихо сказал он,—конечно!..

— Стало быть, все в порядке,—засмеялся Серго.—Вы поедете начальником доменного цеха.

И, пожав его руку, Серго пожелал молодому человеку, талантливому доменщику, счастливого пути, полной удачи в работе...

Коробов не сразу пошел домой. Он долго бродил взволнованный по Замоскворечью, выбирая глухие, плохо освещенные переулки. Места эти ему были знакомы. Он хорошо знал площади, улицы и путанные переулки этого района, Горную академию, с которой было связано столько юношеских теплых и прекрасных воспоминаний.

И невольно, точно это было вчера, вспоминался голубой весенний московский день 15 июня 1928 года — день защиты дипломного проекта реконструкции макеевских домен, где подростком, газовщиком, под присмотром отца, старого доменщика, он начал свой жизненный путь. Утром академик М. А. Павлов четыре часа подряд «гонял» его одного по специальному курсу доменного дела. Они сидели друг против друга в полутемной холодной комнате,—седой академик, сердито щурившийся близорукие глаза, и молодой доменщик в синей косоворотке, с упрямым подбородком и удивленно, по-детски приподнятыми бровями. Суховатым голосом Михаил Александрович расспрашивал его не узко по курсу, а значительно шире, настаивая на детализации в каждом вопросе. В конце четвертого часа академик встал и отрывисто, полусердито бросил:

— Ну, довольно. Прогуляйтесь, молодой человек. В пять—защита.

Ровно в пять часов Коробов уже стоял у доски в узкой, с белыми стенами аудитории и обосновывал свой проект перед Павловым и тремя профессорами. Он анализировал работу старых доменных печей и защищал свои, вновь спроектированные. По сердито-внимательному взгляду Михаила Александровича, по его коротким репликам он понял, что говорит дельно, то, что надо.

Затем сам Павлов детально и методично разобрал его проект, подробно останавливаясь на положительных и отрицательных сторонах коробовского проекта, и в конце сказал:

— Это не студенческий проект, какой обычно нам преподносят. Этот пронизан глубоким практическим обоснованием. Коробов,—академик из-под очков взглянул на смутившегося Павла и ткнул в него пальцем,—он человек заводской, потомственный доменщик.

Это была высокая похвала, и Коробов, покраснев, торопливо, с силой провел тряпкой по черной доске, стирая свои меловые записи.

...Павел словно подводил первые итоги своей молодой жизни. Вспоминалось все: и то, как он упорно постигал азы доменной практики, и то, как он накапливал искусство чувствовать печь, поражения и удачи, и тот беспокойный творческий огонек, владевший им и вызывавший стремление никогда не останавливаться на достигнутом, ломать установившиеся каноны, революционизировать технику.

В памяти возникала вот такая же зимняя декабрьская ночь, совещание металлургов в Кремле. Серго Орджоникидзе подвел Коробовых — отца и сына — к товарищу Сталину.

— Вот династия Коробовых, — сказал Серго, обращаясь к Сталину. — У них в семье—все доменщики, все металлурги. А это—тот самый Павел, которого мы приняли в партию.

Павел стоял выпрямившись. Он смотрел на товарища Сталина и упрямо повторял:

— Я оправдаю доверие партии. Все сделаю, товарищ Сталин. Все.

Теперь предстояло оправдать доверие партии. Сделать все, чтобы страна получала больше чугуна, чтобы домны Магнитки работали ровно, без аварий.

4 января, вечером, он приехал в Магнитогорск. Завенягин встретил Павла тепло и дружески. Они были почти ровесниками. Завенягин повел его по заводу. Последний цех, который они осмотрели, был доменный. Так вот они, замечательные домны-уникумы! Все поражало Коробова новизной и масштабами. Все было сработано прочно и надежно.

Но чем больше он вникал в дело, тем лучше он видел и ощущал бескультурье в цехе, производственный режим, который надо было изменить.

Да, пришлось, как он и предполагал, руководить людьми, техникой и заодно самому учиться. И несмотря на отдельные неудачи, вопреки им, он в конце концов поставил цех на ноги.

Когда Завенягин предложил ему стать главным инженером Магнитки, Коробов чистосердечно признался в своих опасениях, что он не сумеет охватить всей суммы вопросов, которые отныне придется ему разрешать.

Он закалился и научился управлять тысячами людей, чувствовать и понимать, чего кто стоит. Попрежнему он должен был одновременно руководить и учиться, учиться и руководить.

В марте 1937 года ему позвонил по телефону из Москвы заместитель наркома тяжелой промышленности Завенягин. В Москве, сказал Завенягин, остановились на кандидатуре Павла Коробова на должность директора Магнитки. Он поздравил Коробова с высоким назначением и ждал ответа.

— Передайте,—медленно сказал Павел,—передайте, что всей своей жизнью я оправдаю доверие партии. Все сделаю. Все.

Так этот молодой человек, донбасский рабочий, доменщик и сын доменщика, овладел высотами технической культуры, стал талантливым инженером, а ныне — руководителем одного из крупнейших металлургических предприятий.

Г. БОРИСОВ.

ТАЛАНТЛИВЫЙ МАТЕМАТИК

Математические таланты, как и музыкальные, обнаруживаются рано.

Н. Н. Боголюбов начал серьезно интересоваться математикой в возрасте около 12 лет. К 14 годам он самостоятельно изучил полный курс математики средней школы и перешел к изучению дифференциального и интегрального исчислений.

В 1924 году, в возрасте 15 лет, Коля Боголюбов написал свою первую математическую работу о поведении интегралов дифференциальных уравнений на бесконечности.

Работая в качестве аспиранта под руководством академика Н. М. Крылова, юный ученый заинтересовался серьезнейшими проблемами математики. Уже через 3 года он получил настолько крупные результаты, что, когда в 1928 году Болонской академией наук был организован международный конкурс на лучшую работу по так называемым прямым методам вариационного исчисления на соискание премии имени А. Мерлани, Н. Н. Боголюбов смело направил на этот конкурс свою работу, и жюри присудило ему эту премию.

В 1930 году Академия наук УССР удостоила его степени доктора математики, признав этим 20-летнего юношу крупным и оформившимся ученым. Н. Н. Боголюбов с большим успехом работает над вопросами приложения математической теории к конкретным вопросам техники. Он работает в качестве консультанта ряда отраслевых институтов (Харьковский авиационный институт, Институт сооружений, Институт промэнергетики).

Начиная с 1932 года все работы Н. Н. Боголюбова относятся к нелинейной механике, этой новой важной отрасли математической физики. Получаемые им результаты сообщались на ряде всесоюзных и международных конгрессов и конференций в Париже, Цюрихе, Лондоне, Москве и в других городах мира.

Н. Н. Боголюбов знает шесть иностранных языков: французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, польский.

В 1936 году, находясь в научной командировке за границей, Н. Н. Боголюбов получил приглашение Парижского университета и французской математической общественности прочесть ряд лекций в институте имени Анри Пуанкарэ. В этом институте Н. Н. Боголюбов сделал ряд докладов. Он был приглашен также в Брюссель, где читал доклады в Бельгийском научно-исследовательском институте и в Бельгийском математическом обществе. Н. Н. Боголюбов был избран членом Французского математического общества.

Боголюбов опубликовал около 70 научных работ. В настоящее время 28-летний математик имеет уже крупное имя в советской и мировой науке.

М. КРАВЧУК. Член Академии наук УССР.

ЛЕГКИЕ КРЫЛЬЯ

Молодой авиационный конструктор Александр Яковлев прославился своими легкомоторными самолетами.

Путь молодого инженера-конструктора был труден: радость творчества иногда омрачалась неудачами. Один из первых самолетов Яковлева потерпел аварию. Это была ошибка конструктора. Он нашел в себе достаточно сил и мужества, чтобы обнаружить ее, исправить и добиться успеха.

Яковлев видел, какие просторы открыты для роста и развития людей в советской стране: ни один сколько-нибудь значительный поступок не остается незамеченным. Но ему было ясно и другое: страна не только щедра, но и требовательна. Мало сказать: «меня осенила идея». Нужно эту идею осуществить, воплотить в надежные, удобные и быстрые самолеты.

Признание, а с ним и известность пришли позже. Летом 1934 года Александр Яковлев в составе советской авиационной делегации отправился в Италию. В тот же день звено самолетов его конструкции впервые стартовало в большой перелет Москва—Иркутск—Москва. Яковлев беспокоился: как ведут себя его «птицы», все ли в порядке? В Неаполе он узнал об успешном завершении перелета. Иностранная печать отмечала этот рейс в «далекую Сибирь».

С тех пор в международном авиационном ежегоднике «Джен», где публикуются наиболее интересные сведения о мировой авиации, регулярно сообщается о новых конструкциях А. С. Яковлева.

На авиационных заводах Франции и Англии он изучал техническую культуру легкого самолетостроения, обогащался опытом и возвращался на родину, окрыленный новыми идеями, планами, проектами.

Почти все свои машины Яковлев рассчитывал на 100-сильный советский мотор «М-11». Первый его самолет с этим мотором летал со скоростью 165 километров в час. Следующая конструкция обладала скоростью 217 километров в час. Теперь над Тушинским аэродромом летает звено самолетов «УТ-1» — одной из последних конструкций Яковлева — все с тем же неизменным мотором «М-11». Скорость учебно-тренировочных самолетов «УТ-1» — 250 километров в час — достигнута за счет летных качеств машины. А мысли молодого конструктора уже заняты проектами новых спортивных самолетов, обладающих скоростью намного больше 300 километров в час.

Два года назад Яковлеву передали участок земли и старое здание мастерской. Коллектив рабочих, инженеров и техников превратил ее в опытный самолетостроительный завод. Это — уже серьезная, культурная база для легкого самолетостроения в Советском Союзе.

ИВ. ДОРОХОВ.

МАТЬ

РАССКАЗ

Вот, товарищ корреспондент, когда вы ко мне ехали, то, верно, думали, что я—дряхлая женщина и что меня манной кашей из ложки кормят. А приехали в наше село, в колхоз «Червоный степ», то спросили, где здесь живет баба Мотря Безверха, и вам ответили—вон она живет, где зацвели вишни. И я вышла к вам, и вы увидели, что я не дряхлая,—в огородную бригаду у нас слабосильных не берут. А лет мне уже шестьдесят с гаком, и детей у меня девятеро: пятеро хлопцев, остальные девчата.

Дожилась я счастья, что повсюду теперь узнают, какие у меня дети, а материнское сердце, всем известно, только о детях и думает. И наверное нигде на свете не приезжают так корреспонденты к матерям, чтобы поговорить о детях и о всем хорошем, как у нас. Я понимаю, что мы, матери, через газету таким путем весть друг дружке подаем и радостью делимся в первомайский день.

Вот моя хата стоит в ложбинке под горой, внизу река Ворскла и левады, и село раскинулось по берегу, как писанка. У меня вишни цветут раньше, чем у всех,—то ли почва подходящая, и сад от холодного ветра укрыт, то ли просто счастливая я стала.

Начну издалека, как в августе 1914 года принесли нам повестку о том, что мой муж должен явиться в Полтаву к воинскому начальнику. Заплакали мы в хате—и я, и пятеро детей: оставлял нам муж очень большое хозяйство — одну лошадь и полторы десятины земли. Запрягли мы эту лошадь и повезли нашего батька в Полтаву на пункт.

У сборного пункта остановились, взял мой муж торбу и пошел во двор, а я осталась на улице, за слезами света не вижу. Просила, просила, чтобы и меня пропустили хоть попрощаться, но кто там на наши слезы внимание обращал? Так и вернулась домой, а мужа в тот же день погнали на станцию и отправили на германский фронт.

Из окопов домой редко кто писал, да еще так неразборчиво, что все равно никто из селе прочитать не мог. Получу письмо,—догадаюсь, что жив, сухарей просит, — вот мне и достаточно. Жилось очень тяжело, приходилось и днем, и ночью работать, чтобы засеять землю. Летом-то еще кое-как жили, а вот зимой, в лютые морозы, — совсем пропадай с малыми детьми. Ходила я в Полтаву на заработки, детей оставляла дома,—сколько сердце, бывало, переболит, пока возвращусь!.. Стану на колени перед иконой, детей вокруг себя поставлю, а сама плачу. Думаю, почему у людей дети мрут, а у меня полная хата, и бог не заглянет, не приберет их к себе, не сжалится над моим горем.

Жили мы голодные, под страхом, и за что тогда убивали наших мужей на фронте, мы и сами не знали.

Вернулся мой муж с войны еле живой. Если бы не советская власть, где были бы теперь мы и наши дети? Наверное, и костей бы не осталось, и множество матерей наших знает, что я говорю правду. Все мои дети были в комсомоле, комсомол их воспитал и людьми сделал, у них у всех образование и дорога в большую жизнь.

Вот, давайте, я вам расскажу, как четырех сынов своих в Красную Армию отправила, и не страшно мне, и радуется моя душа, когда я узнаю об их успехах.

Старший сын, Семен, был призван в 1930 году. Его принимали в Полтаве, в призывной комиссии состоял и мой муж, а его батько. Он подошел к Семену, похлопал по плечу и сказал: «Годен, я знаю». Теперь Семен служит на польской границе начальником заставы и пишет оттуда письма. Недавно получили мы письмо; он пишет, что живет весело, учится, знает больше, чем знали когда-то старые офицеры. Он просит написать ему о работе колхоза, о севе, спрашивает, как я работаю. Тут я и вспомню, какие письма писал мне муж из действующей армии. Что вши заедают, что фельдфебель гоняет, сухарей просил, и советую всем матерям не забывать и это прошлое помнить.

Через год второй мой сын, Юхим, пошел добровольно в кавалерию. Мы с мужем, конечно, не мешали ему, только я пожелала Юхиму, чтобы он пошел на самолет служить, и теперь я так за него рада, что он служит на тяжелых аэропланах на Дальнем Востоке... Он мне писал, что стал командиром, учится, что жена его Тося и сын Коля живы и здоровы. Потом он еще написал, что на границе охраняет нашу жизнь и социализм и что, как только японцы полезут на нашу землю, он с самолета будет их бить. И я пожелала ему доброго здоровья и хороших успехов.

А потом исполнилось третьему сыну, Грицько, 21 год, и он тоже загорелся: в армию—и край! Мы не возражали, только дали совет, чтобы не отставал от Семена и Юхима, как они боевые, так и он. Грицько сейчас учится в кавалерийской школе, пишет, что хорошо идет по учению и даже несколько слов написал по-немецки, а дочка моя Оксана и прочитала,—она школярка, теперь на селе всякое письмо прочитают. Грицько тоже беспокоится о нашем колхозе, как бывший колхозник; просит Оксанку написать ему, как она учится.

Прошлой осенью пошел в Красную Армию четвертый мой сын—Павло. Когда я узнала об этом, обрадовалась, что и четвертый оказался здоровый, подходящий. Он служит в танковой части, недавно прислал письмо: «Жизнь идет хорошо,—пишет,—служу и учусь, как вам хотелось, чтобы я стал четвертым командиром в нашей семье. Читал я в газете, что у нас на Украине весна, начался сев, а здесь еще холодно».

В каждом письме мои командиры рассказывают о своей жизни в Красной Армии, а мы — о своей, колхозной. Написали мы, что сев ранних провели хорошо, что свеклу посеяли, что озимые взошли лучше не надо: из хаты выйдешь — всюду зеленые посевы, поет жаворонок, и очень красиво.

Пишем сынам, что вдвоем с отцом заработали больше четырехсот трудодней, живем сытно и не горюем, есть у нас корова, масло, куры, недавно свинья опоросилась. Муж мой колхозной пасекой командует.

Вот еще напишите о моем Якове и Марусе, они у нас трактористы. Дочка ночью работает, готовит землю для посева, а сын днем сеет. Как по шнурку, сеялки Якова идут. Надеемся, урожай будет, как наука велит. Еще есть у меня Ганна — доярка и Олександра — студентка. Что о них скажешь? Упорные в жизни, пены им нет, голосистые, запевалы, любому парню в деле не уступят. Это не только я говорю, это каждый скажет.

Как-то зашел ко мне приезжий. Насилу я его узнала, давно не видела. «Здравствуй,—говорит,—Мотря!» «Доброго здоровья, — отвечаю, — отец Симеон». «Счастливо живешь?» — спрашивает. «Ой, счастливо, батюшка», — отвечаю. «Видишь ли, — говорит, — надо обязательно церковь открыть. Прошли черные годы, сам бог советскую власть признал, благоденствие посылает, силу на врагов». «А Сталинскую Конституцию, батюшка, — спрашиваю, — тоже бог послал?». «Все от бога, — говорит, — только надо закрытую церковь освятить, чтобы молились все за советскую власть, за ее процветание и успехи».

«Батюшка, — говорю, — разве ж мы за советскую власть не молимся? Сын мой Семен на польской границе молится, а Юхим — на Дальнем Востоке, Грицько — в кавалерии, Павло на танке молится. Мы — в колхозе гуртом молимся, — кто в огородной бригаде, кто на пасеке, кто на тракторе, кто где может».

Рассердился поп Симеон и ушел.

Еще мы с мужем написали товарищу Сталину письмо. Мой муж писал, что, несмотря на его годы, он станет вместе с сыновьями на защиту родины, если это будет нужно.

Чуете, сыны, будьте храбры на границах, чтобы матери вами гордились, а отцы радовались. С первым мая!

Юрий ЯНОВСКИЙ.
(Перевод с украинского).

Харьков.

КОЛЬЦО

Об'ехав с концертами Свердловск и Пермь,
и многие города,
Экспрессом в Челябинск, на Энский завод,
приехала кинозвезда.
С экранов театров песня ее
входит в сердца и в дом,
И голос ее, и образ ее
миллионам людей знаком.
И за песенный дар, и за светлый талант,
исполненный глубины,
Высокое званье присвоило ей
правительство нашей страны.
Весть о приезде ее на завод
тотчас разнеслась окрест,
И сели две тысячи человек
в зал на тысячу мест.
Гардеробщики приняли тонны одежд,
настал выступленья час.
Перед концертом волненье ее
охватывало каждый раз.
А нынче,— столько народа! И вот,—
прекрасной тревоги полна,
Из крошечной комнатки для актеров
на сцену вышла она.
А люди ждали песен ее
и сидели в такой тиши,
Как будто бы в зале на тысячу душ
не было ни души.
И грусть Чайковского хлынула в зал,
с сердцами людей говоря,
И слесаря затаили дыханье,
и ахнули токаря.
Буря оваций взлетела вверх
и разлилась вокруг.
Били две тысячи человек
в четыре тысячи рук.
И тогда запела она,
волненьем полна вдвойне,
Простые песни, могучие песни,
песни о нашей стране,
О наших делах и о нашей любви,
о ветре далеких дорог.
Когда она смолкла — старик Петров
волненье сдержать не смог.
Он вышел на сцену и кратко сказал:
«— Вы пели, товарищ, так...
Мы вам цветы принесли, но цветы —
растенье, трава, пустяк.
И даже лучшими из этих цветов
не выразить наших сердец.
Мы десять тысяч в смену даем
поршневых, прочных колец.
И мы ответим своим трудом
песням прекрасным таким
И ровно двенадцать тысяч колец
мы через неделю дадим».
Конечно, овации вновь поднялись
серебряной стаей вверх,
И по домам своим разошлись
две тысячи человек.
Актриса уехала в Магнитогорск,
о кольцах забыв тотчас,
Решив, что многое можно сказать
в такой торжественный час.
А через неделю поезд ее
обратно в Челябинск примчал,
И снова был переполнен зал,
и голос ее звучал.
И преподнес ей старик Петров,—
сияло его лицо,—
Двенадцать тысяч двести десятое
поршневое кольцо.
Она всегда имела успех!
Он был грандиозен, друзья.
В городе Курске ей подарили
курского соловья.
Гордый Свердловск благодарил
яшмой и рубином ее.
В Туле ей, маленькой, преподнесли
свирепого вида ружье.
И отдыхали в квартире у ней,
полные красоты,
Мурманские и тбилисские,
и киевские цветы.
Она привыкла к таким вещам,
но тут, понимаете, тут
Ей люди свой труд принесли в награду
за ее несравненный труд.
Она поняла, что песня ее
в работе им помогла,
И тут, признаться, она всплакнула
и Петрова она обняла.
А ночью поезд ее умчал,
гудок протяжно орал.
Шел мелкий дождик, и за окном
пробегал молодой Урал.
Она стояла, глядела в окно
и думала, верно, о том,
Что крепко спаяны наши сердца
нашим великим трудом.
И время прошло, и Челябинск вдали,
но если ей иногда
Вдруг без причины становится грустно
иль ее встречает беда,
Или волненье ей горло сжимает
в концертный, тревожный час,—
О том кольце она вспоминает,
и песни ее звучат.

Виктор ГУСЕВ.

В детских яслях подмосковной фабрики № 2 «Мосчулок» (Красногорский район). На снимке: Витя Александров (слева) и Валя Власова.

Фото С. Коршунова.

ПАНСКАЯ МОГИЛА

В отрогах Карпат проходила старая государственная граница между Россией и Австро-Венгрией. Трудно было найти более живописный и более грязный и сонный городок во всем Юго-Западном крае старой России. Город упоминался в летописях древней Руси, в истории Польши и Украины. Крестьяне, копавшие огороды у заставы, находили обломки копий, запорожские люльки и острия татарских стрел. На старом кладбище, в бурьяне и репейнике, лежали древние могильные плиты с гербами польских панов и латинскими надписями. Великолепное, построенное итальянскими зодчими здание старого польского лицея поднималось за кирпичной оградой на пустынной базарной площади. Исправник,—меланхолический взяточник,—был высшей властью в уезде. Костлявый, рыжеусый жандармский ротмистр вел спокойную, благостную жизнь ушедшего на пенсию офицера. Он обеспокоился только однажды, когда в город прислали студентов, уволенных из Киевского университета. Студентам забрили лоб и сдали в солдаты за участие в университетских беспорядках. Но студенты отбыли срок, уехали, и снова наступило затишье.

1905 год не разбудил сонного уездного болота. Сюда приходили вести о демонстрациях, о восстаниях, но все это было где-то далеко, даже не в губернии, а в очень далеком Киеве. Киев ощущался здесь таким же отдаленным, как Вена или Париж. И однако случилось так, что именно в этом тихом заштатном городишке, на главной улице, называемой Широкой, произошла первомайская демонстрация.

Был в этой глуши маленький чугунолитейный заводик, принадлежавший разбогатевшему купцу. Сотня рабочих была единственным отрядом пролетариев в городе чиновников, попов, мелких купцов и помещиков. Если бы жандармский ротмистр Канабих не был так глубоко уверен в поднадзорном ему населении, его обеспокоило бы появление в этом городе проезжего человека. Это был черноволосый, статный парень в синей косоворотке и стареньком выцветшем студенческом картузе. Только позже, когда полетели телеграммы в губернию и Петербург, дознались, что именно делал в городе и на заводе Берга человек, которого называли рабочие «товарищ Степан».

В ночь на первое мая шел теплый дождь. Пирамидальные тополя на главной улице мгновенно оделись в прозрачную, нежно зеленую дымку. Дождь размыл проселочную дорогу, поднимающуюся в гору. Гора называлась романтично и довольно зловеще: «Панская могила». И в день первого мая здесь началось необычное движение. Прошли рослые парни в чистых белых косоворотках. Они приоделись и вымылись, только руки их были покрыты несмываемой копотью и сажей. Прошла девушка с книжкой и букетиком красной гвоздики. Железнодорожник с камышевой тросточкой и худой, с впалой грудью, переплетчик. Пробежал великовозрастный гимназист, выросший из узкой и потертой гимназической куртки. Его руки были подозрительно выпачканы фиолетовыми копировальными чернилами. Так люди, точно незнакомые, шли, обгоняя друг друга, до перекрестка. Там стоял почерневший придорожный крест. Резная, засиженная воробьями, раскрашенная фигурка глядела слепыми глазами с креста на молодую пару, молча сидевшую у дороги. Можно было подумать, что это была влюбленная пара. Не поднимая глаз, девушка говорила прохожим, куда итти. И прохожие проходили, не здороваясь, хотя хорошо знали, что девушка — учительница народной школы, а парень — конторщик завода Берга. Так, под внимательным взглядом пикетчиков, прохожие спускались в низину под горой, называемой «Панская могила».

Неожиданно среди мокрых стволов молодого орешника, в просветах кустов дикой сирени показалось много людей. Они разбирали еще не просохшие белые листки.

Великовозрастный гимназист видел это издали, гордая радость охватила его. Вчера ночью в полутемной кухоньке, в ржавой кастрюльке варили на плите странный студень. Вокруг сильно пахло желатином и копировальными чернилами. Рядом с кухонным столом сидел черноволосый человек и тщательно вырисовывал красивые печатные буквы: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Юноше было интересно следить, как черно-фиолетовые печатные буквы переходили на застывшую массу гектографа и читались уже наоборот, как бы отраженные в зеркале. Потом накладывали на застывшую массу чистый лист бумаги, недолго водили круглой полированной палкой по этому листу, и на листе отпечатывались запретные и заветные слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Теперь эти оттиски были в руках рабочих завода Берга.

Затем раздалась песнь.

Прекрасно и гордо звучит боевая революционная песнь на Красной площади. Поют серебряные трубы, и сто тысяч людей стоят смирно, приложив руки к фуражкам. Даже люди в иностранной военной форме отдают честь гимну трудящихся — гимну советской страны. И так же гордо и волнующе звучала эта песня много лет назад, когда ее хотели заглушить переливчатым полицейским свистом, звоном конских подков и ружейными залпами. Вдруг над первой нежной листвой, над нераспустившейся сиренью вспыхнул красный флаг. Под этим флагом стоял человек в синей косоворотке, о котором знали только то, что он двадцать дней назад бежал из губернской тюрьмы. Он говорил просто и грозно о том, что придет время и рабочие возьмут в руки заводы и власть. Он говорил о том, что этот светлый майский день — всемирный праздник трудового народа, и непременно придет время, когда миллионы людей будут бесстрашно и гордо праздновать день первого мая. Внизу, под горой, лежал город попов, офицеров, царских чиновников и хлеботорговцев. А здесь, на горе, над Панской могилой, реял красный флаг, и далеко разносилась боевая песнь революции.

Мечтать о социализме и социальной справедливости и, крадучись и прячась, возвращаться в хибарки сонного уездного городишки?

Нет!

Был тот послеобеденный час, когда город спал дурным и тяжелым сном, и вдруг над спящим в садах городком, над столетними кровлями польского лицея взвилась и прогремела революционная песнь. Город просыпался от столетнего сна. Дрожащие руки поднимали оконные занавески, перекошенные испугом опухшие от сна лица появлялись в окнах. Мимо старого польского лицея, мимо собора и костела, синагоги и тюрьмы шли двести человек и пели революционные песни. Второпях седлали коней полицейские стражники. Ротмистр Канабих, обливаясь холодным потом, натягивал сапоги. На крыльцо полицейского управления выбежал усатый человек в нижнем белье и, окаменев, глядел вслед уходящей колонне. Верховой, в облаке пыли, мчался в имение графа Валевского, где третьи сутки пили по случаю серебряной свадьбы командир полка и окрестные помещики. И, когда, наконец, выехал на рысях из драгунских казарм эскадрон, никого уже не было на главной улице городка. Только на дверях полицейского управления трепетал белый листок — первомайская прокламация. В ту же ночь, через австрийскую границу, уходил черноволосый «товарищ Степан». Он торопился, его нетерпеливо ждали в Швейцарии, на берегу Женевского озера.

Тридцать один год прошел с того дня.

Ничто не изменилось в заштатном городишке в отрогах Карпат.

Этот город лежит по ту сторону наших пограничных столбов. Но вместо черного австрийского орла границу стережет белый польский орел.

Л. НИКУЛИН.

Ал. КОЛОСОВ

БЕСПОКОЙНАЯ ПОРА

I

Председателем Тарасовского сельсовета работает Матвей Квашин, румяный, коренастый, бритоголовый здоровяк-мужчина.

Оттого, что до недавних пор люди по уши были погружены в колхозные дела, а в сельсоветскую работу не вникали, Квашин донельзя обленился и, как говорят иные тарасовцы, «стал об себе воображать».

Он только и делал, что подписывал бумаги, председательствовал на заседаниях президиума, да еще ездил на бричке по полям и фермам, покрикивал, распоряжался.

Иногда бывали пленумы сельсовета, и случалось, что на эти пленумы приходили колхозники, колхозницы. Войдя в сельсовет, они учтивости ради спрашивали: «Можно?» Матвей Квашин не говорил ни да, ни нет и даже не смотрел на вопрошавших, и это следовало понимать так: «Можно, но нежелательно». Колхозники, однако, присаживались, слушали, а иногда и задавали вопросы. По большей части вопросы были неприятны, неудобны, колючи, и Матвей Квашин, как бы не расслышав их, произносил сурово:

— Итак, будем придерживаться принципу, и давайте высказываться по существу.

Но порой на пленумах обсуждались такие волнующие дела, что иная колхозница, не получив ответа, поднималась со скамьи и начинала жаркое слово. Раньше, года два тому назад, Квашин глушил таких ораторов на редкость зычным тенором: «Точка!.. Ставлю тебе тут категорическую точку».

Но однажды в областной газете появилась статейка: «Бюрократ с тенором», и с тех пор Квашин уже не кричал на ораторов и не стучал кулаком по столу, а приобрел записную, в багровом переплете книжку. Если, бывало, оратор скажет что-нибудь особо ехидное, то Квашин вытянет из пиджака ту книжку и, сожалеюще улыбаясь, что-то пишет. Шут его знает, что он там пишет. Иные тревожились.

Бритая круглая голова Квашина была битком набита всякими установками — действующими и уже давным-давно отмененными, писанными и неписанными, — поди разберись, где правда, где неправда.

А когда Квашину возразить было нечего и никакой установки вспомнить или выдумать он не мог, то он заводил речь об «идейно-теоретическом уровне».

Как-то однажды друг Квашина Иван Утешев завез в кооператив около ста пар галош номер 9. А ноги у тарасовцев большие, на такие ноги лезут только номера 12 и 13. Тарасовцы ходили за галошами в Судейкино: там были номера на всякую ногу. И вот, когда колхозник Трохин произнес негодующую речь, а Марья Степухина назвала кооператора «жуком» («Когда это, господи, переведем мы у себя всех жуков!»), Квашин поднялся и, сожалеюще ухмыляясь, проговорил:

— Если бы Марья Степухина и уважаемый Василий Авдеич Трохин имели хоть сколечко-нибудь идейно-теоретического уровня, то они не ставили бы данный вопрос в совершенно недопустимую плоскость.

Покуда тарасовские колхозники (в Тарасове и смежных с ним деревушках—семь колхозов) мало интересовались сельсоветскими делами, Квашину жилось преотлично. В революционные праздники он надевал шерстяную тройку, великолепные желтые ботинки и выходил на народ. Оттого, что ему не было еще и сорока лет и он был здоров, наряден, грамотен и безответственен, и еще оттого, что он кушал по утрам пироги и кашу с гусиным салом, у него в эти праздничные часы почти всегда бывало расчудесное настроение. Он шутил, хохотал, слушал рассказы колхозников, но и в эти часы на лице его и в осанке и в жестах уловимо было ощущение всяческого превосходства над колхозниками.

II

В июне 1936 года из Судейкина, районного центра, приехали пять беседчиков. Они стали созывать народ в кружки, толковать проект Конституции, записывать разные предложения.

Матвей Квашин ездил на бричке с собрания на собрание, и вид у него был такой хозяйский, словно это он написал Конституцию и теперь следит, все ли ее понимают, как надобно.

На собраниях то и дело возникали разговоры, казавшиеся Квашину неуместными, не увязанными с проектом. Так, обсуждая статью сто двадцать вторую, где сказано о равноправии мужчины и женщины, колхозники очень хвалили Наталью Ивановну Корешкову. Ее звено устроило на речке Жове плотинку и в засушливое это лето полило свою свеклу девять раз. Теперь на свеклу «страшно смотреть: не меньше восьмисот центнеров на гектаре». Иные заключали, что «если бы вот такая рукастая, беспокойная баба заправляла не звеном, а сельсоветом, то, небось, на Паляве, Маляве и Жове теперь были бы первейшие плотины».

Матвей Квашин нагибался к беседчикам и беспокойно шептал:

— Тут является противопоставление личностей.

Колхозники говорили еще о кирпичном заводе, о паровой мельнице, о медицинском пункте и опять заключали, что «если бы в сельсовете сидели люди, то не надо было бы ездить за кирпичом в Овсянкино, молоть хлеб — в Паневино, трясти захворавшего человека в Вешки».

Квашин говорил на это:

— Замечается уклонение в сторону.

Но на него почти не обращали внимания, и только однажды Прохор Святкин, злой на язык мужик, прикурив от папиросы Квашина, кивнул головой на беседчика:

— Вроде как панихиду комуй-то читает. Право слово!..

III

Это было недавно.

Протокол вел Яков Свиридов. В начале собрания к нему подошел инструктор райкома, сказал:

— Прения записывайте, пожалуйста, полнее, и копию протокола дадите мне. Интересные реплики тоже, пожалуйста, записывайте.

Яков Свиридов начал протокол так:

«Тов. Квашин об'являет, что сошлось большинство, которые приглашены, и говорит, что на данном собрании присутствует тов. Солонец из райкома партии и в его лице надо приветствовать райком партии ВКП(б), но тов. Солонец подает реплику и говорит, что не должно быть никакого холуйства. Тов. Квашин берет слово для отчета и говорит, что райком партии ВКП(б) и райисполком дали сельсовету установку собирать актив и делать с ним собрания на базе критики, также самокритики, которая, может быть, придется кому-нибудь не по зубам. Тов. Квашин говорит, что некоторые колхозы, как-то: «Буденный», «Новая жизнь» и «Красный пахарь», к севу не подготовились по-большевистски. Тов. Солонец подает реплику и говорит, что пусть на данном активе тов. Квашин лучше расскажет про себя: в чем его работа и руководство. На это подает реплику Семен Голохвостов и говорит, что сельсовет у нас дырка от бублика и никакой работы нет и никогда не было.

На это тов. Квашин говорит, что у данного гражданина С. Голохвостова есть клеймо, так как в 1932 году он выходил из колхоза, и прежде, чем критиковать сельский совет, пускай Голохвостов прежде подумает. На это гр. Голохвостов подает реплику и говорит: «Из-за таких дуроломов и выходил, как ты да Василий Уголов». Тов. Солонец делает замечание, что на собрании нет президиума, и предлагает избрать, каковой избран большинством голосов.

Гр. Корешкова, как председатель собрания, говорит: будет или не будет тов. Квашин делать отчет? На это идут реплики от различных граждан, которые говорят: «Пускай об'ясняет про бездействие: мы бы сейчас и не горевали бы ни о чем и, может, одни патефоны слушали, если бы сельсовет с людьми увязку имел. А то семь колхозов и каждый сам по себе, а в сельсовете — ноль с бритой головой».

Гр. Корешкова говорит: «Будешь или не будешь делать, товарищ Квашин, самокритику?» Тов. Квашин говорит: «Я не знаю, товарищ Солонец, как у нас проходит настоящее собрание. Считаю, что это ненормально, и прошу тебя, как представителя райкома, раз'яснить данным гражданам». На это тов. Солонец подает реплику и говорит, что требование собрания здоровое и надо говорить под углом самокритики. На это тов. Квашин продолжает доклад, но все время идут реплики: «Про себя говори: почему у нас того не имеется, что имеется в других селениях». На это тов. Квашин продолжает доклад, но происходит срыв через сильный шум голосов: «Довольно». «Не хотим его слушать».

Тов. Корешкова говорит: «Действительно, товарищ Квашин обанкрутился, хотя мы и сами в том виноватые: мы его за воротник должны давно трясти. Ведь все видим, что работы нет никакой. Хоть плотины взять. Хоть родильный дом взять. Где они у нас?»

Тут мы пропускаем две страницы и выписываем речь Анны Тютиковой:

— Ну, я сродственница ему, и хоть не часто, а хожу к нии. Сказать, чтобы он пил или что, не скажу, а если и выпьет когда, то тихо и благородно. Либо с Утешевым Иваном Егорычем выпьет, либо вон с Макаткиным Андреем. Выпьют и разговаривают меж собой — кого оштрафовать, кому речь какую говорить, какую бумагу в район написать. Но вот, сколь я ни сидела, сколь ни слушала, хоть одно бы когда словечко про нашу женщину, про дитё, про ясли или что. Говорю ему: «Матвей, брюхо-то ты растишь, а народ недовольный: вон в других местах сады детские наладили, родильни, а у нас нет ничего». Говорила я тебе это, Матвей, много раз говорила, а ты башкой, как бык, мотал: «дескать, бабские твои разговоры!» И вот довел себя до того, что сидишь перед всем народом, как мимоза.

Гр. Корешкова на это говорит: «Тов. Тютикова, какой он ни есть, а оскорбления не делай».

Гр. Тютикова говорит, что она оскорбления Квашину не делала. На что гр. Корешкова дает реплику и говорит: «Мы все знаем, кого зовут мимозами. Это хуже жулика. Продолжай свою речь».

Гр. Тютикова говорит, что она все высказала и хочет только, чтобы тов. Квашин сказал народу: «Фальшивый я человек, работу свою, как предназначил товарищ Сталин, не работал, и простите меня, если можно».

Ходики показывали полночь, а люди хотели говорить и говорить.

У Свиридова про это написано так:

«Гр. Корешкова говорит, что время позднее, а желают говорить еще 27 граждан. Прекратить ли прения или собраться еще завтра. На это граждане дали реплики и говорят, что мы жизнь свою намечаем и прения прекратить нельзя, а надо вести их завтра на собрании. Предложение принято единогласно».

IV

В ту ночь кто-то легонько постучал в окно. Квашин вышел. На крыльце стоял кооператор Иван Утешев, друг.

Испуганным полушопотом он сказал:

— Деньги-то, Матвей Антоныч, у тебя есть?

Квашин молчал.

— Такой, Матвей Антоныч, ветер, сам видишь, какой ветер: нынче из тебя цикорию жали, а завтра из меня будут жать. Скажут — не имел права товар в кредит давать. Скажут — у вас шайка, лейка и ушат: Квашин, дескать, Утешева прикрывал, а Утешев ему холуйство делал и товар в кредит давал. Такой ветер, что...

Деньги были небольшие — пятьдесят два рубля, и то, что Утешев, испуганный, торопливый, какой-то чужой, пришел за ними ночью, вконец растревожило Квашина.

Он молча зажег лампу, отсчитал деньги, положил на стол.

Косясь на окна, Утешев бормотал:

— Не сплю и не сплю: все думаю — нет ли и у меня чего. Такой пошел ветер, что гляди за собой да гляди.

Он ушел.

За перегородкой спала жена. Во сне она тоненько посвистывала, точно в носу у нее была спрятана маленькая дудочка.

Было мутно и одиноко на душе Квашина, так мутно и одиноко, как никогда.

Он оделся и вышел на улицу.

Горели звезды, не лаяли собаки, было тихо, и только возле амбаров, на берегу Палявы, постукивал колотушкой сторож Вавилыч.

Квашин пошел туда. Он долго стоял над обрывом, потом спросил:

— Ты не помнишь, Егор Вавилыч, у барина Страхова плотина ниже губихинской чащи была или выше?

— В акурат вон в тот гребешок упиралась, — не сразу ответил Вавилыч, удивленный небывалым явлением.

— А вот мы проморгали, — сказал Квашин. — Позорно проморгали. И нет на то никаких оправданий. Мы могли бы уже десять плотин поставить. И со всей большевистской твердостью надо сказать: это моя вина. И в части родильного дома — опять-таки безусловно моя вина...

Вавилыч от удивления крякнул, беспокойно потоптался и вдруг без всякой нужды закричал на тихую свою собачку, стоявшую подле ног: «Поди отседа, сучья дочь».

Он не знал, что народная самокритика может пронять и потрясти даже Квашина. А тот всё говорил, говорил, и от горьких, впервые вырывавшихся признаний светлело на его душе, и он уже не ощущал одиночества.

БОЕВОЙ ДУХ ИТАЛЬЯНСКИХ РАБОЧИХ ЖИВ!

Еще в 1925 году фашистские газеты Италии писали, что первомайские «красные оргии» навсегда ушли в прошлое и больше не вернутся. Но утром первого мая того же года на самой вершине Миланского собора развевалось огромное красное знамя. Оно висело долго; не так легко добраться до того места, где его укрепили. «Мертвая» компартия попрежнему живет!

Проходит год. Подготовляются исключительные законы. Аресты, покушения, казни, каторжные приговоры. Но трудящиеся не отказываются от своего первого мая. Красные знамена, революционные надписи на стенах, плакаты, листовки. Кое-где даже бастуют.

Проходит еще один год. Фашистские газеты пишут, что итальянские рабочие и крестьяне с энтузиазмом празднуют 21 апреля—годовщину «похода на Рим» и что все довольны фашистским режимом... Несмотря на это, власти мобилизованы к 1 мая. Туристы констатируют поразительное «спокойствие» во всей Италии. После лихорадочной работы, проведенной полицией накануне 1 мая, в стране становится еще... спокойнее. Тюрьмы переполнены, коммунисты, по хвастливым заверениям чернорубашечников, больше не существуют. Но кто же попрежнему выпускает ежегодно первомайские коммунистические газеты и листовки?

Наступает 1935 год, год войны с Абиссинией. Специальный фашистский трибунал усиливает свою работу.

На улицах раздается барабанный бой, маршируют юноши, которым школа привила чувство ненависти к абиссинскому народу. Коммунистическая партия занимает пораженческую позицию. Она призывает брататься с абиссинцами.

...«Внимание! Внимание! Говорит радиостанция Милан. Радиостанция итальянской компартии. Она будет сегодня вечером передавать в 22 ч. 45 м. на волне 28 метров. Передача начнется «Интернационалом» и закончится гимном Гарибальди. Слушайте Милан! Один раз в неделю миланская радиостанция устраивает передачу специально для членов партии. Высказывайте свое мнение о передачах, давайте нам указания. Товарищи имеют возможность быть каждый день в курсе передач Миланской радиостанции».

Что это, «загробный голос»? Нет. Это Миланская радиостанция призывает трудящихся к борьбе. Она рассказывает о Советском Союзе, о его великих завоеваниях.

Миланская радиостанция рассказывает правду об испанских событиях, о героизме республиканских войск, интернациональной бригады и батальона «Гарибальди», превращенного теперь в бригаду, об их борьбе против палачей испанского народа, против Франко, Муссолини, Гитлера.

Миланская радиостанция призывает итальянцев к об'единению в борьбе против фашизма и капитализма, к созданию для этой цели великого народного фронта, как это сделали французские, испанские и итальянские трудящиеся в батальоне «Гарибальди», куда вступило много «добровольцев» и бывших фашистов, посланных обманным образом Муссолини в Испанию.

Полиция тщетно ищет радиостанцию, но, несмотря даже на содействие папы Пия XI, она не может ее нигде обнаружить.

Под прекрасным небом Италии идет борьба, идет подготовка к 1 мая, к первомайскому дню борьбы с фашизмом, дню об'единения трудящихся.

...«Говорит радиостанция Милан». Она говорит в 1937 году!

ДЖЕРМАНЕТТО.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Двадцатый Май страны Советской

Певучий вихорь майских дней,
Весенний праздник наш советский —
Я вместе с дочерью моей
Люблю и жду тебя по-детски!
Моей дочурке — восемь лет,
Она — отличница учебы,
Мне — тридцать восемь, я — поэт,
И Май мы крепко любим оба:
Наряды пестрые витрин,
Веселье звонких демонстраций,
Прозрачных дней аквамарин
И блеск ночных иллюминаций...

Прошла кипучею волной
Пора предпраздничной работы,
И ныне я со всей страной,
Помолодевший, «выходной»,
Иду, отбросив все заботы.
Спешить не надо никуда,
И с гордостью, но без зазнайства,
Я — пайщик общего труда —
Любуюсь на свое хозяйство.
Иду, смотрю по сторонам...
Толпа течет — и я туда же.
И вся Москва и вся страна
Как будто говорят: — Что скажешь?
Не правда ли, мы подросли?
Смотри — вот школы, вот больницы...
И прямо с Волги корабли
Приходят к берегам столицы!
И там, где, вставши на ребро,
Булыжник под копытом грохал,—
Вверху — гудрон, внизу — метро,
И сквер разбит совсем неплохо!
Не правда ли, мы подросли
В сравненьи даже с прошлым маем?
Смотри, как мы вперед ушли,—
А мы ведь всей страной шагаем!
— Да! Мы растем день ото дня,
Мы крепче и богаче стали.

Недаром всюду на меня
С улыбкой мудрой смотрит Сталин.
Он знает пульсы всей страны
И знает, как стране живется.
Он — весел, значит — мы сильны,—
Уж он-то зря не улыбнется!

Я горд и рад. Но мне успех
Напрасно голову не кружит.
Нельзя не замечать прорех,—
Успех с зазнайством часто дружит.
А нам, питомцам Октября,
Дружить с зазнайством неприлично,
И правду смело говоря,
Нельзя кричать, что все — отлично.
Нельзя! Веселый критик Май
Найдет и высветит из'яны,—
Как лаком их ни прикрывай,
Как ни накладывай румяна.
И, крикнув от души «ура!»
Во славу Родины и Мая,
Нам надо завтра, как вчера,
Работать, рук не отнимая.
Не зря на нас из разных стран
Глядят с надеждой и волненьем
Глаза рабочих и крестьян,
Любуясь каждым достиженьем.

Эй, солнце майское, свети,
Чтоб твой огонь скорее выжег
Всю плесень с нашего пути —
Рвачей, предателей и выжиг!
Свети, лети во все концы,
Как солнце, — сталинское слово!
Шагайте, новые бойцы, —
Оплот народа трудового!
Взвивайтесь, песни веселей,
Звучи сильнее, голос детский!
Цвети, весна страны моей,
Двадцатый Май страны Советской!

В одну ночь

12 апреля на нашей оборонной стройке происходил слет стахановцев. Мы сидели в уютном здании и рассказывали друг другу, как работаем, как выполняем обязанности, налагаемые на нас Сталинской Конституцией. В разгар работы слета в зал неожиданно вошел руководитель стройки тов. Константинов и, волнуясь, сказал:

— Товарищи, на станцию пришел маршрут с цементом. Цемент может погибнуть от дождя. Склада у нас нет, его надо срочно построить.

— Хорошо, — сказал я, — мы его построим.

— Какой нужен срок? — спросил Константинов.

— Сутки, — ответил я.

Руководитель строительства и некоторые другие участники собрания недоверчиво покачали головой.

— Сколько же вам надо бригад? — спросили меня.

— Я обойдусь своей...

Кто-то засмеялся. Мне не верили. Тогда подошел ко мне другой бригадир—Гончаров и говорит:

— Мы будем строить склад двумя бригадами и построим его не за сутки, а за ночь.

Со слета, собрав свои бригады, захватив инструмент, мы отправились на работу.

Темнело. 27 плотников быстро взялись за дело. Сами подносили материал, сами укладывали и прибивали гвоздями доски. Люди не замечали ни холода, ни усталости. Когда показалось солнце, все увидели: там, где вчера был пустырь, сегодня стоял готовый склад. То, над чем надо было работать полмесяца, мы сделали в одну ночь. Маршрут с цементом был спасен для нужд обороны.

ИВАН ЗУБКОВ.
Бригадир плотников N-ского строительства.

Дальний Восток.

Фашистская «кухня войны».

Рисунок художников Кукрыниксы.

Прибытие испанской делегации в СССР

(По телефону из Ленинграда от специального корреспондента «Правды»)

На теплоходе «Феликс Дзержинский» все — конечно, американские, английские и канадские делегаты — улыбались, глядя на эту группу молодых, жизнерадостных людей. Они пели советские песни на испанском языке: «Я другой такой страны не знаю» и «По долинам и по взгорьям».

Из 23 испанских делегатов, прибывших в СССР к майским праздникам, большинство — молодежь.

Героический Мадрид послал в Советский Союз пять делегатов. Франсиско Мораледа — механик электрозавода «Стандарт-Электрика», представляющего крупное предприятие, работающее на оборону. Висенте Эрнандес — секретарь союза рабочих [illegible]промышленности, коммунист. Анхель Антон записался добровольцем в армию, работает в знаменитой бригаде по обучению кадров и сбору материалов на нужды обороны. Сурнано Раусн — рабочий-пищевик, член Об'единенного союза социалистической молодежи. Вместе с этими четырьмя мадридцами прибыла народная учительница Амалия Перейта, член партии «республиканская левая». Несколько месяцев назад ее муж погиб на фронте у Сигуэнсы. Она с удвоенной энергией продолжает работать в союзе испанских женщин-антифашисток, которыми делегирована в СССР.

Пять делегатов из Каталонии. Педро Арнауда — член об'единенной социалистической партии Каталонии, работает на заводе «Дженераль Моторс» в Барселоне. Висенте Марко — рабочий-металлист из Барселоны. Работает на заводе, производящем моторы для сухопутного и водного транспорта. Он и другой барселонский делегат, Хуан Гальвардес, строительный рабочий, состоят членами анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда.

— Дисциплина!—рассказывают они.— Да, раньше мы этого не знали. Теперь для каждого рабочего в Испании ясно, что дисциплина—залог уничтожения фашистов.

То же говорит и Эвелио Мартинес, рабочий-стекольщик из Каспэ, член федерации анархистов Иберии. В настоящее время он работает в органах снабжения Арагонии. Пятый каталонский делегат — Селестино Бояда—мелкий арендатор, член «Союза рабассейров» (мелких арендаторов)—засыпает нас вопросами о положении крестьянства в Советском Союзе. Его главное стремление—побывать в колхозах, ознакомиться с работой и бытом советской деревни.

Из Южной Кастилии рабочие-горняки делегировали крепильщика Эмиохильдо Мансильо и Висенте Вьеко. Оба работают на ртутных копях в Альмадене. Пласидо Карретеро, левый социалист, делегирован союзом пекарей Альмерии, обслуживающим фронт Гренады.

Валенсия представлена рабочим химического завода Франсиско Бенито, членом компартии.

Испанский республиканский флот командировал двух делегатов. Рафаэль Ликамбра — моряк с крейсера «Мендес Нуньес», член Об'единенного союза социалистической молодежи. Анселько Диас — артиллерист с крейсера «Мигуэль Сервантес», делегирован командой своего корабля и центральным комитетом флота. Диас неоднократно участвовал в бомбардировке Сеуты, Мелильи и Кадикса республиканским флотом.

Франсиско Вера до мятежа был рабочим в Севилье. В продолжение пяти месяцев он укрывался от фашистов, которые знали, что он принадлежит к Об'единенному союзу социалистической молодежи. Ему удалось бежать к республиканцам. Он немедленно вступил в строй и в настоящее время состоит пулеметчиком в 16-й бригаде на кордовском фронте, бригаде, которой командует Педро Мартинес Картон, член ЦК испанской компартии.

Как только горняки Линареса (Андалузия) получили сведения о фашистском мятеже, они сформировали дружину и отправились на фронт. В их числе был Мануэль Гонсалес, шахтер свинцовых копей. После трех месяцев боев было признано целесообразным вернуть часть бойцов на работу. Ныне Мануэль Гонсалес снова работает на своей шахте.

— Добыча значительно поднята, — говорит он, — можете мне поверить.

23-летний Хозе Алкала Замора, сын бывшего президента республики, член коммунистической партии. Он рассказывает о себе, о своем брате, недавно произведенном в лейтенанты на арагонском фронте.

— Только слепые и предатели, — говорит он,— могут утверждать, что война, которая сейчас происходит в Испании, это не национальная война за независимость нашего народа. Франко продался фашистам, чужеземцам, и песенка его спета.

Делегацию возглавляет молодой парень с энергичным лицом крестьянина. Он — крестьянин из Валенсана, из Галисии. В момент мятежа губернатор провинции, убежденный республиканец, назначил коммуниста Гайосо — теперешнего председателя испанской делегации — правительственным делегатом округа. Галисия оказалась в руках мятежников с первых дней мятежа, но ряд деревень, в которых организовал крестьян Гайосо, сопротивлялся до 10 сентября. Лишь когда натиск мятежников усилился, Гайосо с группой бойцов отступил на португальскую территорию. Португальское правительство заключило его и его товарищей в концентрационный лагерь. Ему удалось вернуться обратно в Испанию, и в настоящее время он является политическим комиссаром 4-го батальона дивизии Листера.

* * *

Трое суток не смыкала глаз команда теплохода. По самым оптимистическим расчетам, теплоход по техническим причинам не мог прибыть в Ленинградский порт раньше 30 апреля. Делегаты не смогли бы тогда попасть к 1 мая в Москву, на парад. Но теплоход с честью оправдал имя, которое он носит. С колоссальным напряжением, подлинно стахановскими методами работала команда, и в 7 часов вечера 29 апреля, когда рабочие города Ленина запрудили набережную порта для встречи дорогих гостей, теплоход пришвартовался к пристани.

Испанские делегаты вышли со своим развернутым трехцветным знаменем, знаменем демократии и мира, под которым борется испанский народ против фашистов.

На теплоходе вместе с 23 испанскими делегатами прибыли 19 делегатов из Англии, Соединенных Штатов Америки и Канады. Под звуки «Интернационала» на испанском, английском и русском языках открылся митинг.

С приветствием от облпрофсовета выступает тов. Розанов. Ему отвечает Гайосо. Он выражает непоколебимую уверенность в победе испанского народа над мятежниками и фашистскими интервентами.

За ним произносит речь Хозе Алкала Замора.

— Еще на теплоходе, встретившись с советскими моряками и иностранными рабочими,—говорит Хозе Алкала Замора,— мы убедились в несокрушимой силе пролетарской солидарности. Фашизм будет разгромлен. Да здравствует Испания, да здравствует Советский Союз!

От имени английской рабочей делегации выступил генеральный секретарь союза железнодорожников Скуенс.

* * *

Председатель испанской делегации Франсиско Гайосо и Хозе Алкала Замора просят передать от имени испанской делегации следующее заявление для «Правды»:

«Передаем через «Правду» наш пламенный привет советскому народу и его вождю товарищу Сталину».

Л. ВОЛЫНСКИЙ.

ЛИ ДАН

Жизнь и смерть рядового Гумпэя

«Из Манчжурии все чаще приходят вести о том, что японские солдаты, не желая воевать, кончают самоубийством»...
Газета «Секки» (нелегальный орган японской компартии).

Унтер Камики равнодушно оглядывал людей, заполнивших всю площадь двора. Крестьянские парни с узелками в руках, молодые рабочие в обтрепанных халатах, студенты в черных роговых очках бросали на Камики взгляды, полные почтительности. Сегодня судьба этой еще зеленой, но уже чахлой молодежи проводит черту, делит жизнь на две части: прошедшую, сотканную из невзгод и случайных жалких радостей, и будущую—неведомую, наплывающую, как туманная дымка.

За высокими бревенчатыми воротами призывного пункта остались бережно обработанные поля, жадно прочитанные книги, осталась жизнь, не раскрывшая своего смысла. Этих людей согнали сюда из окрестных деревень, рабочих кварталов, со школьных скамей. Сегодня призыв...

Люди стоят молча, наклонив головы, словно глубоко погруженные в думы. Но это не размышления. Это—тупое равнодушие. Лишенные привычного, они томятся бездельем, изнурительным ожиданием.

Время от времени писарь появляется в дверях канцелярии и сиплым, простуженным голосом выкрикивает фамилии призывников. Вызывает по пять человек сразу. Призывники идут вяло, неуверенно. Унтер Камики подталкивает их в спины.

— Идите, идите, солдаты...

Писарь подолгу опрашивает вызванных, заполняет формуляры четким бисером иероглифов. Это только проформа. За людьми следили все два десятка лет их жизни. Сельский староста, учитель, помещик, полицейский, монах, опекающий деревню,— они все присматривали за малышом, школьником, юным крестьянином или рабочим. На столе начальника призывного пункта лежат толстые тетради, и в них жизнь каждого призывника аккуратно разложена по страницам. В этих тетрадях—грубые, но верные слепки поступков, настроений, способностей, всего того, что рисует характер, показывает человека. Это—старая система присмотра, оставленная веками, когда феодал-князь насаждал среди своих рабов шпионов и доносчиков. Феодалы ушли. Система осталась.

Писарь по очереди вводит призывников в кабинет начальника. Майор внимательно оглядывает призывника.

— Ты еще не солдат, — мягко говорит он. — Можешь стоять вольно. Ты—новобранец. Это должна быть самая счастливая пора твоей жизни. Как приятно чувствовать себя молодым и стоять на желанном пороге. Я вспоминаю свою молодость. Теперь ее не вернешь. Скажи-ка, Гумпэй, нет ли среди твоих друзей коммунистов?

— Нет, — отвечает придушенным голосом покрасневший Гумпэй.

— Ты будешь хорошим солдатом. Солдат—это слуга императора. Армия—это руки и ноги императора. Понял? Ступай!

Гумпэй, который ничего не понял, быстро покидает кабинет майора. Но он уже не попадает обратно во двор, где ждут своей очереди другие новобранцы. Гумпэй выходит на площадку возле штаба батальона. Здесь уже давно стоит очередь в цейхгауз за обмундированием. Получивших обмундирование новобранцев унтера уводят в казарму. Гумпэй сбрасывает халат и надевает новые штаны, куртку. Унтер брезгливо просматривает вещи Гумпэя. Он долго разглядывает кусок газетной бумаги и бурчит себе под нос, не глядя:

— Где взял это дерьмо?

— Нашел на улице, — тихо говорит Гумпэй.

— Солдат не должен читать газет, кроме специальной солдатской газеты. Запомни это навсегда.

— Смирно! — командует унтер. — На площадку, кругом марш!

Гумпэй точно выполняет команду. На площадке новобранцев построили повзводно. Из штаба вышли офицеры и медленно пошли вдоль строя, внимательно всматриваясь в лица новобранцев. Появился полковник. Строй замер.

— ...Поздравляю вас с высокой честью быть призванными в ряды защитников трона. Империя переживает великие затруднения, на армию возлагает надежды император. Будьте верными и бесстрашными солдатами... В минуты тягостных испытаний, когда трупы громоздятся на трупы, когда выступит сотня и падет сотня, выступит тысяча и падет тысяча, японский солдат не должен страшиться итти на смерть, не должен томиться тревогой. Наоборот, он скорее должен испытывать радость... Для него увидеть перед собою смерть — все равно, что вернуться на родину, и в этот момент мысль о смерти, как таковой, уже не должна приходить ему в голову. По самой природе вещей смерть— это факт, которого человеку в своей жизни избежать невозможно. Да во время сражения она вовсе не вызывает особенного ужаса. Самое постыдное и самое ужасное для солдата—это не быть в состоянии пасть за императора тогда, когда это нужно, и там, где это нужно...

Полковник остановился, пытливо обегая глазами лица солдат. Они стояли, как истуканы, немые и неподвижные. Полковник не сказал им ничего нового. Эту философию жертвенности во имя императора им внушали в школе, на пунктах допризывной подготовки. Гумпэй стоял в четвертом ряду. Он слышал это уже много раз.

* * *

Гумпэй, как и другие новобранцы, постепенно привыкал к казарме, к военной жизни. Писем из дому не было. Быть может, и были, но Гумпэй их не читал. Читать письма родных солдату не обязательно. Для этого существуют унтера, которые заменяют отца и мать солдату. Казарма жила своей особой жизнью. Весь день солдат занимали строем и на стрельбище.

Вечером в казарму на полчаса заглядывал лейтенант и читал солдатам газеты. Речь всегда шла о красной России, заокеанской Америке, неискреннем Китае, норовящем на каждом шагу обмануть Японию. Из Манчжурии всегда приходили отрадные известия. Эта, некогда несправедливо захваченная китайскими варварами страна, наконец, освобождена японцами. Манчжурия медленно, но верно превращается в рай. Лейтенант всегда читал без души, не любил отвечать на вопросы, и солдаты не спрашивали его ни о чем.

Однажды сосед Гумпэя по строю—Сугимура нашел густо исписанный листок. Он прочел его вместе с Гумпэем. «Молодые солдаты, — написано было в этой бумажке, — требуйте от офицеров, чтобы они сказали вам правду о Манчжурии. Знаете ли вы, что в этой китайской стране ежедневно погибает пять японских солдат. А войны там еще нет. Она только готовится. Молодые солдаты, не давайте себя обманывать, будьте всегда на-чеку». Листовку подписал «Старый солдат». Когда кончили читать, перед солдатами неожиданно вырос унтер Камики. Раз'яренный, он зашипел на них:

— Какого черта прохлаждаетесь здесь! Марш в казарму!

Строевыми занятиями и стрельбами солдат доводили до изнеможения. Падая на койку, они мгновенно засыпали. Для жизни, для мыслей не оставалось времени. Унтер Камики иногда замещал лейтенанта, читая солдатам газеты, военные наставления.

— Верьте своим начальникам, которых выбрал ваш император,—гнусил унтер.— Не забудьте, что без доверия к старшим немыслим успех в бою. Как бы ни казалось вам странным, быть может даже неисполнимым приказание вашего начальства, вы должны лечь костьми для приведения его в исполнение.

— Господин унтер, верно, что в Манчжурии каждый день погибает пять японских солдат? — прервав вдруг чтение, спросил Гумпэй. Камики часто заморгал, развел руками, вскочил и крикнул: «Смирно!» Солдаты застыли. Унтер подошел к Гумпэю:

— Кто это тебе сказал?

— Я слышал об этом еще в деревне.

— Дурак! Такой вещи не может быть. В этой стране царит порядок. Народ доволен нашей властью. И все, что ты слышал в деревне, забудь.

Время шло. Новобранцы стали солдатами. Однажды вечером в казарму пришел командир роты и целый час рассказывал о кознях красной России. Капитан говорил о том, что во Владивостоке существует лаборатория, которая изготовляет адские машины, вызывающие землетрясения на японских островах. Русские, — говорил он,—строят плотину в Татарском проливе и собираются отвести к себе теплое морское течение Куросива. Из-за этого Япония покроется льдами и погибнет. Он говорил о беспримерном рыцарстве императорской армии, миссия которой заключается в освобождении народов Китая, Монголии, Сибири и об'единении их под эгидой Японии.

— А в самой Японии, — зло кричал капитан, — появились силы, которые мешают императору управлять народом, — это коммунисты. Их необходимо истребить без остатка. Солдаты! Внимайте! — выкрикивал командир. — Уже давно звонит колокол набата... Надо очнуться от сна долгой ночи и уничтожить самую тень коммунистов в Японии...

Утром вышел приказ о переброске полка в Манчжурию. Засуетились, забегали унтера. Погрузку назначили на ночь. Солдат из казарм не отпустили, но дали им на отдых два часа. После вечерней переклички каждому солдату разрешили написать родным открытку со стандартным текстом о том, что часть «временно, на маневры, отбывает на север Японии». Перед самой погрузкой нескольким солдатам выдали письма от родных.

Получил письмо и Гумпэй. Отец писал коряво и неразборчиво. Иероглифы теснились в кучу, сливаясь с большими кляксами туши, аккуратно расставленными цензором. «Сынок... все же здоровы... Тебе ничего не остается... Служи верно императору. Урожай сняли малый, слишком много было дождей. Запасов... до нового урожая. Решил отправить твоего брата Таники на заработки в город... голодных ртов. Говорили, что солдатским семьям сложат недоимки по налогам... и старый Кагура требует арендной платы, грозится согнать с земли... Спроси начальника, почему с солдатских семей тянут...». Цензор старательно вымарал письмо старика. Но Гумпэй, читая письмо, видел деревню, затопленные поля, набухшие от влаги зерна риса, всесильного хозяина деревни — помещика, злобного старика Кагура.

— Читаешь? — спросил унтер Камики. Гумпэй смолчал. — Дай-ка я посмотрю.— Гумпэй протянул унтеру письмо.

— Такого закона не было, чтобы отменять налоги с солдатских семей, — забормотал Камики. — Кто же будет тогда платить за твою пищу и одежду, которую дает армия? Кто будет покрывать военные расходы? Старик твой не знает этого?

Гумпэй не заметил, как отошел от него унтер, унося письмо. Он думал о том, что осталось за стенами казармы. Прошлое не ушло, оно стережет его и других Гумпэев. И туманная дымка будущего облекается в плоть. Сын Кагуры остался дома. Гумпэя взяли в армию служить верой и правдой императору и Кагуре. Отца сгонят с земли. Впереди Манчжурия, неведомая красная Россия. Крестьянский сын, новобранец Гумпэй должен спасать империю. Молодой солдат Гумпэй вспоминает военные наставления: «Смейся, отправляясь в об'ятия смерти. В этом и заключается долг солдата, долг службы императору».

Полк выстроился на плацу. Полковник, грузный и усталый, вышел к строю.

— Солдаты, император отправляет наш полк в Манчжурию на первую линию обороны империи... Солдаты, вы, не задумываясь, должны выполнить свой долг. Наша страна бедная и маленькая, она задыхается на островах... Мы добудем новые земли, новые страны. Империя станет великой и богатой.

— А недоимки не сняли, — чуть ли не вслух подумал Гумпэй. Кагуры станут наверно богаче после его, Гумпэя, смерти.

— Солдаты,—сорвав голос, сипел полковник. — За Хинганским хребтом таится извечный враг — красная коммунистическая Россия...

Солдат погрузили в вагоны под утро. Застучали, запели колеса. В вагоне было тихо. Солдаты молчали, словно погруженные в сон. Но никто не спал. Люди думали о будущем и о прошлом.

Унтер Камики вышел на середину вагона. «А ну, затянем песню о сказочной стране Урал!» Он начал, и молодые солдаты нехотя подтянули. Стук колес заглушал песню. Голоса солдат тонули в этом шуме, и только унтер, перекрывая всех, кричал:

Из-за снежных утром бурь, средь Уральских гор,
Если б умереть пришлось, встречая снежный шторм,
Средь снегов ночных в сибирских пустырях-полях,
Если б умереть пришлось, потонув в снегах,
Мы с улыбкой на устах стали б умирать.

Гумпэй вдруг оглушительно захохотал. Песня оборвалась. Побагровевший унтер бросился к солдату. Солдат продолжал смеяться. Это был судорожный хохот сумасшедшего. Камики протянул руки к горлу солдата. Но Гумпэй отшвырнул унтера и занял его место у выхода вагона.

— Солдаты, смейтесь, отправляясь в об'ятия смерти, — крикнул он и захохотал вновь. Ошеломленные солдаты жались в сторону от Гумпэя. Молодой солдат, повернувшись к выходу, нырнул под колеса.

Небо упало на землю, и глазам Гумпэя раскрылось будущее. Он видел его... Поезд уходил вперед, и колеса надрывно стучали: Хин-ган, Хин-ган, Хин-ган.

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ СОВЕТСКИЙ НАРОД

Меня спрашивают, за что я люблю ваш народ и обоснована ли эта любовь достаточным запасом познаний о нем.

Еще мальчиком в Чикаго в 80-х годах *я был глубоко потрясен* тем, что прочитал о политических ссыльных в Сибири. Я впервые начал относиться с сочувствием к народу, жестоко угнетавшемуся царскими тиранами. Постепенно я стал больше узнавать о вашем освободительном движении, о борьбе за раскрепощение русского народа. Затем я ознакомился с романами Тургенева, Достоевского, Толстого. Я осознал, что речь идет о народе, не только мощном своей многочисленностью, но и замечательном по своему характеру, об одном из величайших народов мира, который американцы должны познать. Мне лично действия и мысли русских людей, отраженные вашей великой литературой, позволили лучше понять жизнь, чем общение с людьми моей собственной страны. Они — эти представители вашей литературы — оказались *ближе к глубокой* реальности жизни, чем та внешняя реальность, которая окружала меня в моей стране и *была* лишь тенью подлинной, осмысленной жизни.

В 1927—1928 гг. я посетил Советский Союз и изучил на месте значение и размах вашей революции. Я понял, что ее цель — не только внешняя свобода человека, но и развитие человека со всеми его творческими возможностями. Мое путешествие было обогащено беседами и встречами с людьми, которые,— где бы они ни были,—понимали, что жизнь может и должна быть сделана и будет сделана более свободной и счастливой. Эти люди готовы были пожертвовать личными интересами, удобствами и собственной жизнью для того, чтобы добиться лучшей жизни для всех.

Мне понравилось сочетание в них мужественности, жизнерадостности, целеустремленности. После нескольких месяцев я уехал домой, чувствуя, что крепко подружился с народом замечательного ума, большой человеческой чуткости, неустрашимого мужества и того глубокого понимания жизни, которое проведет этот народ через любые испытания, позволит ему показать всему миру путь к лучшей жизни и доказать правильность этого пути.

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР.

Нью-Йорк.

КОМИТЕТ ИСПАНСКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА — К НАСЕЛЕНИЮ МАДРИДА

ВАЛЕНСИЯ, 30 апреля. (Спец. корр. ТАСС). Комитет народного фронта обратился с первомайским воззванием к населению Мадрида. Комитет указывает, что в этом году 1 мая празднуется под знаком единства рабочих и антифашистских масс. Контрреволюция и международный фашизм хотят превратить Испанию в колонию Германии и Италии.

Народный фронт призывает всех: 1) в день 1 мая увеличить выпуск продукции, 2) усилить атаки на фронте, 3) укреплять народный фронт, борясь со всеми, кто пытается посеять раздор между партиями народного фронта. Воззвание подписано всеми партиями, входящими в народный фронт.

СОЛИДАРНОСТЬ С ИСПАНСКИМ НАРОДОМ

СТОКГОЛЬМ, 29 апреля. (ТАСС). Шведское телеграфное агентство сообщает, что об'единение профсоюзов Швеции решило внести 100 тыс. крон в фонд помощи республиканцам Испании.

Красноармейский досуг бойцов 4-го казачьего корпуса имени С. М. Буденного. На снимке — танцы терских казаков. Фото М. Рыжака.

НАКАНУНЕ ПЕРВОГО МАЯ ЗА РУБЕЖОМ

Англия

ЛОНДОН, 30 апреля. (Соб. корр. «Правды»). Рабочие организации Англии деятельно готовятся к первомайской демонстрации. В Лондоне подготовка к боевому пролетарскому празднику проходит под знаком начинающейся сегодня в полночь забастовки вожатых и кондукторов автобусов. Переговоры, которые велись при посредничестве министерства труда между профсоюзом транспортников и лондонским транспортным обществом, закончились неудачно. Если в последний момент требования рабочих о сокращении рабочего дня до 7 часов 30 мин. не будут приняты, 1 мая ни один автобус не покинет гаража. Всего забастовка коснется около 40.000 автобусников.

Возможна также всеобщая забастовка 120.000 вожатых и кондукторов автобусов по всей Англии. Кроме того, за стачку высказались 600.000 горняков.

«Дейли уоркер» пишет, что первомайское выступление лондонских рабочих в этом году обещает быть самым крупным с 1926 года.

На завтра в Гайд-парке назначены большой первомайский митинг и демонстрация. «Дейли уоркер» выпускает специальный первомайский номер на 12 страницах.

И. Ермашев.

Китай

НАНКИН, 29 апреля. (ТАСС). Газета «Дагунбао» приводит сообщение из Чанша (столица провинции Хунань) о подготовке к проведению 1 мая в провинции Хунань.

В письме комитета по подготовке празднования, разосланном всем предприятиям, говорится: «Для нас главной идеей празднования 1 мая является призыв приложить все усилия для национального возрождения Китая».

На фронтах в Испании

По сообщениям ТАСС и корреспондентов «Правды» за 30 апреля

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ

На бискайском фронте войска интервентов и мятежников продолжают атаковать позиции республиканцев в районе Дуранго и Маркина. Весь день 29 апреля происходили ожесточенные бои. Дуранго сильно разрушен. Республиканские войска удерживают свои позиции, оказывая упорное сопротивление наступающему противнику.

Авиация фашистов продолжает свои разрушительные действия на бискайском фронте. 28 апреля самолеты интервентов бомбардировали мирное население города Аморебиета (юго-восточнее Бильбао). 29 апреля, в 16 час. 30 мин., 24 фашистских бомбардировщика, сопровождаемых 6 истребителями, совершили налет на Галькадано (селение в 12 км от Бильбао) и сбросили 300 бомб, в том числе много зажигательных. Истребители обстреливали из пулеметов гражданское население. 25 домов сгорело. Горят окрестные леса.

В Галькадано и в окрестностях найдены неразорвавшиеся бомбы с маркой «Рейнсдорф 1936 г.» (Рейнсдорф — один из центров военной промышленности Германии). Точное число жертв бомбардировки еще неизвестно.

АРАГОНСКИЙ ФРОНТ

29 апреля республиканские части произвели удачные разведывательные поиски в секторе Сарагоссы.

29 апреля утром в районе селения Картахенте (в 25 километрах от Валенсии) появились 4 самолета мятежников, сбросивших в этом районе 52 бомбы. Человеческих жертв нет. Материальные убытки незначительны.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФРОНТ

На секторах центрального фронта—без перемен.

Тяжелая артиллерия мятежников продолжала артиллерийскую бомбардировку города.

Республиканские самолеты потопили мятежный линкор «Эспанья»

ЛОНДОН, 30 апреля. (Срочная ТАСС). По сообщению корреспондента агентства Рейтер из Бильбао, там получены сведения, что мятежный линкор «Эспанья» потоплен близ Сантандера (в Бискайском заливе) республиканскими самолетами.

ПРЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ПАЛАТЕ ЛОРДОВ О БОМБАРДИРОВКЕ ГЕРНИКИ

ЛОНДОН, 30 апреля. (ТАСС). Вчера на заседании палаты лордов лорд Сесиль поднял вопрос о бомбардировке Герники.

Сесиль задал вопрос правительству, может ли оно сказать, кто ответственен за бомбардировку Герники, а также, какова позиция в этом вопросе иностранных государств. Он настаивал на том, что британское правительство должно заявить по этому поводу решительный протест и сделать все от него зависящее для того, чтобы протест был поддержан другими правительствами. Лорд Сесиль также просил, чтобы этот вопрос был поднят по возможности скорее на Совете Лиги наций.

Заместитель министра иностранных дел лорд Плимут в своем выступлении сказал, что он может очень мало добавить к заявлению Идена в палате общин, сделанному накануне, так как правительство не имеет официальной информации об обстоятельствах, связанных с бомбардировкой Герники. По мнению правительства, закончил Плимут, обсуждение этого вопроса на Совете Лиги наций не является целесообразным.

ТРЕВОГА НА МИРОВЫХ БИРЖАХ

ЛОНДОН, 30 апреля. (Соб. корр. «Правды»). На лондонской бирже наблюдается сильное падение акций. Многие акции упали на 6 шиллингов и даже на 1 фунт стерлингов. Биржевые обозреватели газет заявляют, что сегодняшний день был «самым тяжелым с 1931 года».

Колебание на бирже совпало с выпуском нового правительственного военного займа на сумму 100 миллионов фунтов стерлингов. Падение акций об'ясняют резким недостатком свободных средств на рынке в связи с производящейся правительством мобилизацией финансовой наличности. С другой стороны, потребность в свободных средствах возросла в связи с крупными платежами, наступающими в конце этого месяца.

Банковские воротилы пользуются моментом и заставляют владельцев акций выбрасывать их на рынок по пониженной цене. Паника на бирже такая, что, по словам биржевого обозревателя газеты «Стар», многие «мрачно настроенные люди начали вспоминать печальные дни 1929 года (когда разразился экономический кризис)».

И. Ермашев.

НЬЮ-ЙОРК, 28 апреля. (ТАСС). После резкого падения курсов на нью-йоркской бирже 26 апреля они вчера немного поднялись. Однако сегодня акции важнейших предприятий вновь снизились. Некоторые иностранные держатели ценностей продают американские акции, вызывая этим депрессию на бирже.

Иностранная хроника

❋ Итальянский министр иностранных дел Чиано прибыл в Тирану (столица Албании). Чиано беседовал с албанским королем Ахмед Зогу.

❋ 2 тысячи рабочих медных рудников «Хитаци» (Япония) потребовали повышения заработной платы на 20 процентов, угрожая в противном случае забастовкой.

❋ Рабочие муниципального трамвая в Кобе (Япония) начали итальянскую забастовку, требуя повышения заработной платы на 10 процентов.

В последний час

ВСТРЕЧА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛЕГАЦИЙ

Вчера у Ленинградского вокзала, в Москве, собрались со знаменами, транспарантами и цветами тысячи трудящихся.

В 10 часов 40 минут к перрону медленно подходит поезд. Из вагонов выходят посланцы героической республиканской Испании, железнодорожники и горняки Англии и делегаты рабочих Соединенных Штатов Америки.

Короткий митинг. Героических борцов за демократическую Испанию, делегатов рабочих Англии и Америки приветствуют: секретарь ВЦСПС тов. Аболин, ткачиха фабрики им. Маркова Зеленкова и другие.

Затем слово предоставляется лейтенанту Хозе Алкала Замора — сыну бывшего президента Испании, ставшему в ряды борцов с фашистами и интервентами. Замора произносит пламенную речь, неоднократно прерываемую аплодисментами.

Оркестр играет «Интернационал». Тысячи голосов на русском, испанском и английском языках подхватывают пролетарский гимн. Посланцев республиканской Испании засыпают цветами.

* * *

На Белорусском вокзале рабочие московских предприятий тепло встретили вчера делегацию из Северной Испании в составе шести человек и прибывших вместе с ними делегатку из Мексики, делегата из Люксембурга, пять бельгийцев и двух французов.

Флотилия идет!

ТЕПЛОХОД «ИОСИФ СТАЛИН», 30 апреля. (Спец. корр. «Правды»). Сегодня, в 10 часов утра, флотилия канала Волга—Москва вышла из аванпорта в Химки. В первом историческом рейсе по каналу участвуют теплоходы «Иосиф Сталин», «Вячеслав Молотов», «Михаил Калинин», «Клим Ворошилов», катер «Каманин» и буксирный пароход «Стаханов». На борту их первые пассажиры — лучшие строители нового водного пути и делегаты фабрик и заводов Москвы, Ленинграда, Горького и других городов.

В 11 часов утра с палубы теплохода «Иосиф Сталин» видны уже башни шлюза № 2. Через несколько минут вырисовываются и остальные сооружения района «Темпы».

В 11 часов 30 минут, точно по расписанию, теплоходы «Иосиф Сталин» и «Вячеслав Молотов» входят в камеру шлюза.

И. Павловский.

ПРОИСШЕСТВИЯ

❋ **Спасение ребенка.** На-днях на крутом берегу Волги играл оставленный без присмотра шестилетний Шура Ремизов, сын колхозника сельскохозяйственной артели «Заря Поволжья», Безенчукского района, Куйбышевской области. Увлекшись игрой, мальчик сорвался с кручи, упал в Волгу и стал тонуть. Это заметил работавший поблизости колхозник Михаил Васильевич Пронин. Он бросился в реку и вытащил уже скрывшегося под водой ребенка. Не подававший признаков жизни Шура Ремизов был приведен в сознание и доставлен родителям.

МЕТАЛЛ ЗА 28 АПРЕЛЯ

(в тыс. тонн).

	План.	Выпуск.	% плана.
ЧУГУН	44,3	41,4	93,5
СТАЛЬ	56,3	52,3	92,9
ПРОКАТ	43,0	38,7	89,9

УГОЛЬ ЗА 28 АПРЕЛЯ

(в тыс. тонн).

	План.	Добыто.	% плана.
ПО СОЮЗУ	390,5	331,5	84,9
ПО ДОНБАССУ	225,8	197,7	87,6

ВЫПУСК АВТОМАШИН ЗА 29 АПРЕЛЯ

	План в штуках	Выпущено	% плана
Автомашин грузовых (ЗИС)	209	206	98,5
Автомашин легковых (ЗИС)	12	1	8,3
Автомашин грузовых (ГАЗ)	433	431	99,5
Легковые «М-1»	60	37	61,7

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

29 апреля на железных дорогах Союза погружено **90.967** вагонов—**98,9** проц. плана, выгружено **91.367** вагонов — **97,4** проц. плана.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «ПРАВДЫ» ВЫХОДИТ 4 МАЯ

Давид БЕРГЕЛЬСОН

Параллель—по-русски параллель

Поздний октябрь, расцвеченный красками увядания, бродит ошалелый по опаленным солнцем горам и долинам. Горькие и дразнящие запахи полыни пряны и остры, как смесь имбиря с корицею. Они пропитаны буйной дикостью, как густые заросли нетронутого леса, как эта окружающая меня биробиджанская тайга, уходящая в горы под самый край нависающего неба.

Я возвращаюсь пешком с Теплого озера в горный поселок, еще носящий старое тунгусское название — Лондокó. Евреи-переселенцы заканчивают здесь строительство большого известкового завода. Я изнываю от жары. Голова устала от двухчасовой лекции по рыбному делу. В этом диком горном уголке, куда по сей день еще порой заглядывает уссурийский тигр, я только-что присутствовал на лекции «О методах разведения рыбы».

Шагать приходится звериной тропой. Она водит меня то вверх, то вниз по горе. Я размяк от зноя. Пространства, куда еще не ступала нога человека, бескрайни. Они уходят во все концы мироздания. Стрекотание кузнечиков в траве утомляет и расслабляет, как монотонные напевы.

Вывела меня из этого состояния заведующая школой из Лондокó. Она встретилась мне неожиданно на крутом повороте тропы. Я сразу очнулся. Ко мне вернулось чувство действительности. Я снова стал постигать, что тут же, на этих необ'ятных, первозданных пространствах, пробивается, подобно подземному потоку, молодая, трудная и радостно напряженная жизнь. Сама заведующая школой — маленькая струйка этого потока. В далеком горном поселке она построила и оборудовала прекрасную, поистине замечательную школу. Сверкающие чистотой окна этой школы глядят на расцветающий поселок радостно и бодро, как детские глаза. Заведующая уже не молода. Говорит она медленно, протяжно, нараспев. Так говорят у нее на Волыни. Я сразу представил себе ее мать — местечковую еврейку в старомодном парике.

— Куда вас несет в такую жару? — спрашиваю я.

— Именно — несет! — подтверждает заведующая.

Она защищает ладонью глаза от солнца и хмуро поглядывает на русское селение, раскинувшееся у подошвы горы.

— Не только несет,—прибавляет она,— а разносит! Прямо-таки распирает!

Она кивает в сторону селения:

— Кажется, я им такое сейчас сыграю, чего они никогда не слыхали. Все, что у меня накипело на душе, я вылью им на голову!

— Что такое? — удивляюсь я.

— Не спрашивайте. Горе — и только! Сама, конечно, виновата. Допустила глупость.

— Что случилось?

— Эх! Взяли мы и своими же руками дали учителя взаймы.

— То-есть, как?

— Да вот! Русским товарищам из этого селения дали взаймы учителя.

— Что-что?—спрашиваю я.—Что вы им дали взаймы?

— Ну, да,—отвечает она, — учителя. Учителя математики.

— Учителя?!

— Ну, конечно, учителя. Настоящего, живого учителя. Чему вы так удивляетесь?

— Да нет,—говорю я,—ничего... Так, знаете ли... Я думал,—взаймы дать можно деньги, горшок, ухват, ну, что там еще?— корыто для белья. Но чтобы давали взаймы учителя, я как-то не слыхал...

— Вполне согласна,—замечает заведующая.—Разве можно дать взаймы свой собственный глаз? Вы что думаете,—у вас тут лишние учителя валяются, что ли? У самих нехватает! Но что поделаешь, когда каждый божий день люди ходят, просят, клянчат. К тому же соседи. В праздники— вместе. Чуть у кого беда — прибегаем друг к другу. И вот людям нужно начать учебный год, а их учитель математики еще не приехал. Срывается начало учебного года. Вот мы и дали им взаймы учителя. Уговорились всего лишь на десять дней. А они держат его уж скоро три недели. И не видно, чтобы собирались вернуть. Вот я и вынуждена была бросить сегодня все дела и *отправиться к ним. Я им такую пятницу* сыграю, что они меня запомнят до седьмого поколения...

— *Погодите,—говорю я,—пожалуй, и я* с вами пойду.

Мне было любопытно посмотреть на учителя, которого отдают взаймы: меня интересовало, как станет моя заведующая взыскивать свою недоимку, как она поведет свое живое добро домой.

* * *

Жителей таежного русского селения мы застали на площади, за работой. Группа мужчин, вспотевших на солнцепеке до соли на рубахах, обтесывала толстые бревна. Работал и председатель сельсовета — высокого роста, статный, сорокалетний мужчина, с красноармейской выправкой. С топором в руках он согнулся над толстым бревном.

— Ни стыда, ни совести у тебя нет, Павел Александрович! — сразу переходит в наступление моя заведующая и даже пытается использовать меня в качестве свидетеля.—Подвел ты нас! Мы вам одолжение сделали. Дали вам учителя взаймы. Уговорились ровно на десять дней. А вы что делаете? Держите его три недели!.. Да еще любишь распинаться о *дружбе народов* и прочее такое...

— Постой-ка, постой!—У председателя оказалась похвальная привычка—малость подумать, прежде чем отвечать на вопросы.

Он медленно поворачивает голову вправо и влево.

— Постой, погоди немного! Как это ты сказала? Вы сделали нам одолжение? Учителя нам взаймы дали?

Он вытирает пот с лица, думает немного и смотрит заведующей прямо в глаза.

— Ну, а мы? — спрашивает он. — Мы так-таки вам ничего не дали за ваше одолжение? А это что? Собака?

Он показывает на незастекленные окна большого здания на противоположной стороне улицы. На здании красуется надпись: «Клуб».

Моя спутница и председатель продолжают спорить. Я узнаю, что заведующая еврейской школой в Лондокó нуждалась в стекле *для двойных зимних рам*. В русском селении ожидали получения стекла со дня на день и решили пойти соседям навстречу. Но, чтобы не заставить их ждать, отдали им стекла из своего клуба. Еврейская школа, со своей стороны, отпустила к русским соседям своего учителя математики. Услуга за *услугу*.

— Ну, хорошо!—вынуждена признать заведующая.—Допустим. Но уговор-то был, что мы вам уступаем учителя не больше как на десять дней? Был такой уговор или не был?

— Что верно, то верно,—в свою очередь признает председатель.—Уговор такой был: сказано было—десять дней, и не больше. Но ведь *учителя-то вы нам дали* такого, который ни черта по-русски не знает. Пришлось приставить к нему нашу учительницу. *Она с ним* заучивает разные там названия по-русски. Как только выучится, он позаймется здесь с детьми не более десяти дней. Тогда и вернем. Ты что подумала, ограбить мы вас собираемся, что ли?

— Господи! — всплескивает руками заведующая, — целых три недели нужно, чтобы заучить названия по-русски? Где он?

— Вон там, — показывает Павел Александрович в направлении школьного дома,—сходи ты к нему, сделай милость. Может, он тебя послушает. Женщина ты солидная. Убеди его, пусть маленько поторопится!

Павел Александрович снова берется за топор.

В школе уборщица подметает полы и поливает их из большого жестяного чайника. Окна по-летнему раскрыты. Горный ветер приносит дикие и острые запахи — смесь имбиря с корицею. Они сливаются с запахом осевшей на полу влажной пыли.

За стеной, в одном из классов, оживленно разговаривают, кто-то весело смеется. Мы идем туда. За партой сидит молодой еврейский парень в шапке густых, черных волос. Спиной к окну стоит светловолосая русская девушка лет девятнадцати, стриженная, как мальчик. Узенький синий поясок стягивает тонкую талию. Носик у девушки вздернутый. Смотрит она задорно и весело. Глаза у нее светлые, прозрачные, большие, как крупные виноградины.

Увидев нас, парочка смутилась. Девушка поворачивается лицом к окну. Теперь мы видим только ее спину. Паренек с минуту сидит неподвижно. Вдруг он порывисто хватает лежащую перед ним тетрадь и, упершись локтями в парту, усердно зубрит:

— Трапецие — по-русски трапеция; квадрат — квадрат; пирамиде — пирамида.

Заведующая пристально смотрит на молодую русскую учительницу. Потом медленно поворачивается ко мне, закусывает нижнюю губу и тихо шепчет в самое ухо:

— Она прелестна!.. Теперь ясно, в чем дело. Все ясно! Вы поняли?..

С минуту она смотрит на парня, на этот раз, кажется, даже с уважением. Потом снова спрашивает меня:

— Ну, что теперь делать? Будьте умным, посоветуйте. Как поступают при подобных обстоятельствах?

— Радиус — по-русски радиус,—долбит парень,—параллель — по-русски параллель; диагональ — диагональ; перпендикуляр — по-русски перпендикуляр.

У моей заведующей озабоченный вид. Она молчит.

— Послушай-ка, паренек,—говорит она после паузы, — я остаюсь здесь на пару дней. Я сама помогу тебе выучить эту терминологию... Со мною, я думаю, ты ее усвоишь намного быстрей. Что ты на это скажешь?

— То-есть, ка-ак?

Учитель застыл. Девушка отвернулась от окна и выжидающе смотрит на парня,— что он скажет? Они встречаются взглядом.

— Нет!—смущенно бормочет парень,— зачем же вам оставаться?.. Я, пожалуй, уже знаю терминологию. То-есть... выучил уже.

Он протягивает нам тетрадку, как бы предлагая проэкзаменовать его:

— Трапецие—по-русски трапеция; пирамиде—пирамида; перпендикуляр — перпендикуляр.

— Ну, конечно!—говорю я заведующей,—чего вы хотите? Он прекрасно усвоил терминологию! По-моему, он знает ее отлично. Теперь он отработает здесь ровно десять дней и вернется к вам в Лондокó.

Мы возвращаемся домой вдвоем с заведующей. Вечереет. Расцвеченный красками увядания, бродит ошалелый поздний октябрь. Заведующая рассказывает о своих школьных делах. Я думаю о том, что окна она все-таки застеклила. А в ушах все еще звучит:

— Перпендикуляр — по-русски перпендикуляр; диагональ—диагональ; параллель—по-русски параллель.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗД-ВА: Москва, 40, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочного бюро—Д 3-15-60; Партийного—Д 3-10-86; Сов. строительства—Д 3-11-12; Военного—Д 3-32-67; Сельскохозяйственного—Д 3-10-86; Промышленности и транспорта—Д 3-11-04; Торгово-финансового—Д 3-10-64; Иностранного—Д 3-11-00; Информации—Д 3-15-60; Писем рабоч. и колхоз.—Д 3-10-90; Обзоров печати—Д 3-30-72; Школы, науки и быта—Д 3-11-13; Искусства—Д 3-11-06; Местной сети—Д 3-15-47; Фельетонов—Д 3-33-65; Критики и библиогр.—Д 3-11-07; Иллюстрационного—Д 3-33-85; Секретариата редакции—Д 3-15-64; Корреспондент. бюро—Д 3-15-60; Отдела об'явлений—Д 3-30-12; О недоставке газеты в срок сообщать по телефонам: Д 3-30-61 или Д 3-32-44.

Уполномоченный Главлита № В—28087. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 317.